

18+

Жина Бандурина

СВЯЩЕННЫЙ ПУТЬ

ПО СЛЕДАМ «ПИРА»

Нина Бандурина

**Священный путь.
По следам «Пира»**

«Издательские решения»

Бандурина Н.

Священный путь. По следам «Пира» / Н. Бандурина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907119-4

История страны, мира, Вселенной — это история одного человека. В надежде обрести свою вторую половинку под чутким руководством мудрого наставника Тамира шаг за шагом постигает тайны великого произведения Платона «Пир». Но, столкнувшись с реальной жизнью, девушка попадает в круговорот событий, пройдя через которые, ей предстоит ответить на главные вопросы своей жизни: каков смысл любви и в чём на самом деле заключается тайна человеческой души.

ISBN 978-5-44-907119-4

© Бандурина Н.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Пролог	9
Рождественская песнь	9
Исповедь	13
Рождественский грех	14
Возвращение	22
Часть первая.	26
Долгожданная встреча	26
Старец	30
День накануне летнего солнцестояния	35
Похищение Тамиры	38
На корабле	43
В Хорезме. Невольничий рынок	46
В таверне	48
Константинополь	58
Таинственный странник	61
Неожиданная встреча	64
Василий и Михаил	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Священный путь По следам «Пира»

Нина Бандурина

Посвящается моей крестнице, в надежде на то, что эта книга поможет ей, даже проходя по множеству дорог, всегда находиться на своём пути.

С особой благодарностью моим бабушке и дедушке, чьи истории всегда помогали мне верить в чудеса.

© Нина Бандурина, 2018

ISBN 978-5-4490-7119-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Сколько себя помню, мне всегда нравилась история. В школе, в университете я с удовольствием посещала занятия по данному предмету. Так продолжалось до тех пор, пока однажды я не услышала фразу, которая на долгие годы перевернула мое сознание:

– В связи с новыми открывшимися фактами... – начал свою лекцию профессор и стал рассказывать о берестяных грамотах, найденных не так давно в Новгороде. – Бытовой и личный характер многих грамот свидетельствовал о высоком распространении грамотности среди населения, включая женщин, – продолжил он, после чего упомянул о том, что эти находки стали причиной разногласий среди историков: некоторые учёные отказывались принимать открывшуюся информацию и всячески старались её опровергнуть.

«Удивительно! – подумала тогда я. – Сколько ещё раз нам придётся услышать эту фразу – „в связи с новыми открывшимися фактами“, – прежде чем мы сможем понять наконец, как всё было на самом деле? И возможно ли это вообще?»

Ответ пришёл, когда я «случайно» прочитала отрывок из письма игумена Никона Воробьева: «Наука – ложь, когда её данные принимают как нечто абсолютное, ибо завтрашняя наука будет отрицать сегодняшнюю; искусство – сознательная фальсификация по большей части; политика всегда была полна обмана, лжи, преступления, здесь всё надо понимать наоборот; а то, что называют „жизнью“, – суета сует, всяческая суета, а главное – ужасная мелочность, пустота, ложь и ложь без конца. Словом, „эпоха лжи“, царство князя мира сего». В наш золотой век информационной свободы эти слова мне показались более актуальными, чем когда-либо.

Что же касается данной книги, то она представляет собой художественный вымысел, основанный на скудных исторических данных и их разнообразных интерпретациях. Меня заинтересовал третий центр Руси, описанный арабскими географами и историками, – Артания. Вот что о ней известно современной науке:

1. Верховным правителем Артании был каган, который находился в Арте.

2. Сведения об Артании отрывочны, поскольку никто из чужеземцев туда не допускался. Всех иностранцев, попадавших в Артанию, местное население якобы убивало. Сами же жители Артании «спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну» (ал-Истахри). Кроме того, из столицы Артании получали «очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только отводится рука, они принимают прежнюю форму» («Худуд ал-«Алам»).

Арабский географ IX—X веков Истахри, а позже Ибн-Хаукаль и другие рассказывали о трёх славянских центрах: Куябии, Славии и Артании. Первые два центра споров не вызывают – почти единогласно под ними разумеют Киев и Новгород. Тогда как идентификация Артании уже давно стала поводом для непрекращающихся споров. Из всех предложенных вариантов её местоположения я выбрала южную версию, поскольку мне она видится наиболее логичной. Во-первых, потому, что арабские географы помещают Арту, столицу Артании, между хазарами и Византией. А во-вторых, такая версия имеет ряд убедительных исторических подтверждений:

3. По мнению историка XIX—XX веков Д. И. Иловайского, в договорах Олега и Игоря с Византией имеется информация о том, что Русь существовала на Днепре и на Чёрном море задолго до второй половины IX века, то есть до эпохи призвания князей. Эти договоры указывают также на развитые торговые отношения между Византией и Русью и заключают в себе прямые намёки на то, что подписанные Игорем и Олегом договоры были повторением прежних, таких же мирных трактатов.

4. Только существование Азовско-Черноморской Руси, по мнению того же Иловайского, объясняет тот факт, что «Русь в начале нашей истории является народом преимущественно мореходным. Морские походы Киевских Руссов явно совершались с помощью их черноморских родичей». Примечательно, что прекращение морских походов киевлян совпадает с появлением половцев, которые отрезали Киевскую Русь от Азово-Черноморской, тогда как морские караваны из Руси в Византию продолжали ходить.

Если учесть, что Артания, или Азово-Черноморская Русь, была ближе других славянских центров к Византии и вела активную торговлю, можно предположить, что уровень её развития был довольно высоким. Это же доказывают современные археологические раскопки на Дону, сообщающие о наличии высокоразвитой архитектуры не только в городищах, но и в степи. Основываясь на этих фактах, я позволила себе вольность: возвысила уровень развития Артании до уровня Греции и Рима.

Поход руссов на Константинополь и Аскольдово крещение Руси также вызывают немало вопросов.

1. Б. А. Рыбаков утверждает, что в первой редакции «Повести временных лет» приобщение Руси к христианству было отнесено к середине IX века. Исследователь считает, что это является центральным элементом всей концепции произведения, значительно деформированной позднейшими редакторами. «Изложение ведётся с середины – начало важнейших событий осталось за рамкой текста: „...Словеном бо живущем крещеном...“ А кто и когда их крестил? Неужели это было безразлично для киево-печерского историка? Неужели он мог обойти молчанием вопрос о „русских письменах“, найденных Кириллом в Херсонесе, неужели он не знал того, что руссы впервые крестились при патриархе Фотии в 860-е годы?.. Важнейшие для средневекового историка вопросы – как и когда сложилось то или иное государство, когда и как появились там христианство и письменность, – эти вопросы остались без ответа. ... Чья-то рука изъяла из „Повести временных лет“ наиболее интересные страницы».

2. В известных речах византийского патриарха Фотия, произнесённых им по поводу нападения Руси на Константинополь, в 860 (865) году, говорится: «Эти варвары справедливо расвирепели за умерщвление их соплеменников и благословно требовали и ожидали кары, равной злодеянию». И ниже: «Их привёл к нам гнев их; но, как мы видели, Божия милость отвратила их набег». (Четыре беседы Фотия – архим. Порфир. Успенский.) Отсюда ясно, что первое нашествие руссов на Константинополь не было простым разбойничьим набегом. Это был акт мести. Но тогда встаёт вопрос: за что?

3. Во время нападения руссов патриарх Фотий опустил край ризы Пресвятой Богородицы в воду, после чего разыгралась буря, уничтожившая почти весь русский флот. Эта легенда широко распространена и всем известна. Однако те же беседы Фотия восстанавливают происходившие события в настоящем виде: буря действительно имела место, но только в начале события, а не в конце. Фотий говорит, что варвары приблизились в бурную, мрачную ночь, но потом море утихло и они спокойно обступили город. Интересно было бы узнать, что заставило Аскольда – грозного воина, стремившегося к мести, – передумать нападать на практически безоружный Константинополь и принять крещение?

4. Следует также отметить, что, по наблюдениям историка Д. И. Иловайского, после нападения на Константинополь Аскольдовой дружины «у византийских историков начинаются более прямые известия о Руси под её собственным именем, а не под именем Скифов, Сарматов и т. п.».

5. Наконец, кем же был Аскольд? Кто-то говорит о его славянском происхождении, кто-то – о варяжском. Но если всё-таки допустить вероятность существования Южной Руси, может ли Аскольд, носивший титул кагана, быть каганом той самой Артании? И не является ли имя Аскольд скифским?

Ответы на все эти вопросы – задача историков. Если они возможны вообще. Целью же данной книги является не столько стремление разобраться в истории, сколько попытка поразмышлять над местом человека в мироздании.

Пролог

Рождественская песнь

*Соберите мозаику судьбы
и обретёте ключ к своему сердцу.*

В тот год зима выдалась на редкость снежная. Шёл конец декабря, сессия в университете была сдана досрочно, и уже ничто, казалось, не могло омрачить то чудесное время, когда близость Нового года ощущалась повсюду. Время, когда каждый человек, независимо от возраста и пола, живёт предчувствием чего-то сказочного, чистого, прекрасного. Всякий ощущает себя ребёнком и может хоть ненадолго вернуться в ту пору, когда каждое мгновение жизни было наполнено волшебством и чарующим умиротворением. За окном выла вьюга, поднимая снежные вихри и заметая горизонт так, что невозможно было разглядеть даже силуэты деревьев, находящихся всего в нескольких метрах. В такие моменты душа человека как никогда радуется домашнему очагу, наполняясь романтическим чувством уюта и покоя. Возможно, именно в это время человек позволяет себе расслабиться и невольно задумывается о вечном.

День уже клонился к вечеру, а насущный вопрос так и не был решён. Что, в общем-то, не удивительно – ведь обсуждалось не что иное, как предопределённость человеческой жизни и понятие судьбы человека. То есть вопрос, ответ на который ищут и никак не могут найти как лучшие умы человечества, так и простые смертные не одного десятка поколений. И тем не менее дерзновенные попытки принимаются вновь и вновь. Вот уже несколько часов подобный спор всё больше разгорался между друзьями-студентами, волею судьбы оказавшимися вместе в этом заснеженном уголке необъятной России. Оля, занимающаяся йогой уже несколько лет и планирующая в наступающем году совершить очередное паломничество в Индию, настаивала на том, что истиной является древнее славянское учение Веды, которое было потеряно с приходом на Русь христианства, но сохранило свои основные черты в индуизме.

– А почему в России сейчас так популярны йога и вообще всё, что касается Индии? Никогда не задумывались? За нас говорит генетическая память, которую христианство, изначально чуждое славянской культуре, так и не смогло уничтожить, – настаивала она.

Олег, который отрицал любую религию в принципе, считая её лишь средством манипуляции сознанием людей, попытался возразить, мотивируя тем, что Веды, как и христианство, служили и продолжают служить одной цели – превращению человека в раба, а всё человечество – в стадо, которым легко управлять. Костя же, воспитанный в духе традиционного православия и увлекающийся русской борьбой, не очень любил все эти споры, однако тоже не смог оставаться в стороне, когда задевалась тема веры и особенно любимого им православия. Как истинный защитник, он попытался оспорить точку зрения друга, но Олег сыпал убийственными доводами:

– А ты расскажи о вере той бабушке, которая всю свою крохотную пенсию несёт священнику, бесстыдно разъезжающему на дорогом внедорожнике, или нищему, который не может принять крещение потому, что у него нет денег для того, чтобы оплатить обряд.

– Во-первых, – возражал ему Костя, – есть люди богатые, есть бедные. Как среди мирян, так и среди священства. Во-вторых, я не слышал о том, чтобы нищему отказывали в таинстве крещения только потому, что у того не было денег. А если даже и так, то грех лежит исключительно на том, кто его совершил. Не стоит равнять по одной паршивой овце всё стадо. Есть

настоящие молитвенники, благодаря которым, возможно, наша многострадальная планета ещё не сошла с орбиты.

Однако Олег отстаивал свою точку зрения, Оля – свою. И всё это продолжалось уже несколько часов. Глядя на воинствующих оппонентов, трудно было даже представить, что эти люди, несмотря на все свои разногласия, умудрялись дружить!

С лёгкой улыбкой наблюдая за происходящим, после ряда неудачных попыток высказать своё мнение и попросить прекратить этот бесполезный спор, Милана, сестра Кости и подруга Оли, поняла, что почувствовавших кураж друзей уже не унять. Оставив тщетные попытки как-то повлиять на ситуацию, наслаждаясь вкусом ароматного чая, заваренного по старинке в русском самоваре, девушка постепенно погрузилась в собственные размышления. Несмотря на прогресс, семимильными шагами подчиняющий себе планету, её бабушка с бабушкой предпочитали неспешные русские традиции. «И, если признаться, – отметила про себя Милана, – чай, заваренный в самоваре, имеет совершенно потрясающий вкус. Как и вкус свежего хлеба, испечённого бабушкой в русской печи». Как жаль, что современный ритм жизни российских мегаполисов диктует свои условия, где на помощь занятому человеку приходят всевозможные результаты технического прогресса, одновременно лишая его чего-то важного! Того, в чём, возможно, и заключаются маленькие радости жизни. Поэтому каждый раз, когда человеку удаётся остановить время, почувствовать вкус чая, услышать песню вьюги за окном, он ощущает себя по-настоящему живым и поистине наслаждается каждым мгновением.

– Что ты об этом думаешь? – Низкий баритон брата прервал размышления девушки.

Совершенно потеряв линию спора и не зная, о чём её спрашивают, Милана решила пойти на дипломатичный ход:

– Если кто и может ответить на твой вопрос, так это точно не я.

– А разве не женщины – источник всяких выдумок касательно двух половин одного целого и прочей сентиментальной белиберды? По-моему, это в их характере – приписывать совершенно обыденным вещам черты неземного. Оттого и страдают. Сначала начитаются красивых сказок о любви, а потом сталкиваются с реальной жизнью, – категорично и чётко заключил Олег.

– Ну, что касается мифа о двух половинках, то претензии по этому вопросу не к женщинам, а к Платону. Не хочу тебя разочаровывать, но он, насколько ты знаешь, был мужского пола. Да и страдают от любви не только женщины, но и мужчины. И очень спорный вопрос, кто из них более далёк от реальной жизни.

Неизвестно, насколько затянулся бы этот спор, если бы бабушка не подала к столу аппетитный пирог, мгновенно наполнивший комнату непревзойдённым ароматом. Дебаты пришлось отложить.

Вьюга за окном свирепствовала всё сильнее, и в возникшей тишине ещё отчётливее слышалось её протяжное пение. В тот вечер только один человек хранил молчание. Казалось, он был выше даже самых горячих доводов оппонентов, внимательно слушая и тех и других и всё же оставаясь в стороне. Тимофей Иванович, хозяин дома и по совместительству родной дедушка Кости и Миланы, посмотрел в окно, вслушиваясь в музыку ветра, и на какое-то мгновение, казалось, погрузился в свои думы.

– Дедушка, о чём вы задумались? – спросила Милана.

Тимофей Иванович медленно повернулся, однако было видно, что мысли его по-прежнему были где-то далеко. Продолжая слушать вой вьюги за окном, он, словно нехотя, произнёс:

– О том, ребята, что случилось много-много лет назад. Об истории, некогда поведанной мне. И началась она, эта история, в такую же вьюжную декабрьскую ночь, – отстранённо закончил фразу хозяин дома, вновь вглядываясь в даль и погружаясь в свои мысли.

– А что это за история, дедушка? – заинтересованно спросила Милана.

Налив себе чаю, дедушка улыбнулся:

– Давайте сначала выпьем чайку, а уж потом я вам всё расскажу.

Покорно, словно несмышлёные дети, ребята стали наслаждаться чаепитием, подстёгиваемые любопытством и странным ощущением захватывающего рождественского приключения.

– Так вот, – сказал Тимофей Иванович, сделав очередной глоток ароматного чая. – История эта началась задолго до того, как люди ощутили и познали значение слов «цивилизация», «прогресс». В то время, о котором пойдёт речь, на Руси не было ни мегаполисов, ни компьютеров, ни Интернета. Но люди были близки к природе и черпали из неё величайшие знания. Природа была источником их мудрости и благодати. – Немного помолчав, дедушка задумчиво посмотрел в окно. – А на востоке в это время всё большую мощь набирало государство, вошедшее в историю под названием Византия. С приходом к власти Льва Армянина беспорядки, царившие там последние несколько лет, были прекращены – и в Константинополе наконец воцарились мир и покой. Однако сам император жил в постоянном страхе, навеянном ему одним из пророчеств Книги сивилл, гласящим о том, что император по имени Лев будет убит в канун Рождества. В попытках избежать предначертанного государь уничтожал каждого, кто казался ему подозрительным, вызвав тем самым недовольство некоторых своих подданных. Поистине будет сказано, – дедушка окинул внимательным взглядом всех собравшихся, подчиняя и увлекая за собой, – что, стремясь убежать от своей судьбы, мы именно там её и встречаем. Однако в тот вечер император был спокоен. Метель, не унимавшаяся несколько дней, вдруг прекратилась, и император счёл это хорошим знаком. Был канун Рождества...

24 декабря 820 года. Константинополь.

Снежный покров, на редкость щедрый, устилавший всё вокруг – от домов и деревьев до людей, снующих повсюду в рождественской суете, – слепил глаза и всё же казался бесконечно спокойным и уютным. Уже начало смеркаться, но император по-прежнему стоял у окна, не в силах вернуться в реальность, стараясь сохранить покой, столь щедро даримый бесконечным белым царством. Тяжкие думы, вот уже долгие восемь лет одолевающие душу императора, отступили, и ощущение какого-то неземного блаженства наполнило всё его существо.

– Государь! – Высокий худощавый мужчина вошёл в комнату и поклоном поприветствовал императора.

Лев через плечо посмотрел на друга, после чего снова повернулся к окну, вглядываясь в даль.

– Что случилось, Ованес?

– Государь, Травл попросил дать ему возможность исповедаться перед казнью.

Император ничего не ответил, а Ованес, очень хорошо знавший крутой нрав монарха, не решался прервать затянувшееся молчание.

Наконец, Лев произнёс:

– Подойди, Ованес. Что ты видишь?

Молодой человек подошёл к окну и задумчиво окинул взглядом линию заката, багряным облаком окутавшего зимнее рождественское небо. Но с ответом не торопился.

– Государь, в мои обязанности входит видеть вещи такими, какие они есть.

Царь повернулся к другу, и в глазах его заплескали весёлые искорки.

– Конечно. За это я тебя и ценю. Но сегодня особый день. Я думаю, каждый человек хотя бы раз позволял себе поразмышлять о смысле бытия. Так почему же в Рождество не подумать о Боге?

Ованес улыбнулся в ответ:

– Я понимаю, о чём вы, государь. Однако посмотрите на этих людей. – Сквозь оконное стекло молодой человек наблюдал за рождественской суетой, царившей повсюду. – Для них существуют лишь повседневные заботы, дела. А Бог для них – это нарисованный человек,

помещённый в виде икон в храмы и соборы. И они идут в эти храмы, словно выполняя бездушный ритуал, после чего возвращаются к себе, к своей суете, и благополучно забывают о Боге. – Ованес вздохнул и после короткой паузы продолжил: – Люди отказываются замечать, что Бог не только в храме, и это отнюдь не изображение, нарисованное на дереве. Он среди нас, вокруг нас и внутри нас. Так что мы поступили правильно, запретив это слепое поклонение иконам, уже давно превратившееся в идолопоклонство.

Император грустно улыбнулся:

– Я прекрасно понимаю, о чём ты говоришь. «Не сотвори себе кумира», – немного помолчав, добавил он, обращаясь то ли к самому себе, то ли к стоявшему рядом товарищу, то ли к Господу Богу. – Ты знаешь, каждое Рождество я задаю себе один и тот же вопрос и никак не могу найти на него ответ. С того самого момента, как я вступил на трон, этот вопрос не даёт мне покоя, лишает сна.

Ованес, будучи другом монарха уже много лет, прекрасно знал о предсказании, пугавшем царя.

– Не стоит быть таким суеверным, государь. На всё Воля Божия.

Лев снова улыбнулся.

– Спасибо за поддержку. Но сложен и коварен путь императора, и часто он противоречит Божьим заповедям. Я боюсь наказания свыше, Ованес, и тем не менее действую жестоко, ибо жизнь не оставляет выбора. А сегодня мне предстоит поздравлять с праздником крестника, понимая, что лучший подарок, который я могу ему сделать в этот день, – это отсрочить казнь его отца.

– Государь, вы прекрасно понимаете, что иначе поступить было нельзя! К тому же Травл никогда не был вашим другом. А после того, как вы заняли трон, и вовсе превратился во врага. Зависть и неуёмная жажда власти – не лучшие спутники человека. Покойный император видел это и потому передал трон именно вам.

– Я понимаю. Но даже это понимание не может избавить меня от мук, терзающих душу. Лишь осознание того, что император не имеет права быть слабым, позволяет мне жить дальше, стараясь сделать для государства всё, что в моих силах. Остальное же – в руках Божьих. – Император вдруг резко повернулся и, бодро похлопав друга по плечу, преувеличенно радостно сказал: – Что-то мы с тобой и впрямь засиделись. Так и на рождественскую службу можно опоздать. Достаточно философии.

– Как пожелаете, государь.

Император уже собирался было уходить, как вдруг вспомнил что-то важное.

– Да, и ещё. Отправьте исповедника к Травлу. И передайте начальнику стражи мой приказ. – С этими словами он подошёл к столу и взял свиток, составленный, по-видимому, заранее. – Я откладываю казнь Травла и предлагаю пересмотреть дело в суде. Но никто не должен об этом знать. Обнародуем приказ после Рождества. Пусть ему это будет уроком. И рождественским подарком моему крестнику.

– Хорошо, государь, – поклонился Ованес.

– Тогда до встречи в Соборе Святой Софии? – улыбнулся Лев.

– Конечно. Но перед этим, если позволите, мне бы хотелось навестить племянника, – улыбнулся в ответ Ованес.

– Понятно. Тогда жду тебя во дворце. Мои дети и крестник будут рады видеть своего любимого учителя и наставника. Они тебя разве что не боготворят! И почему бы тебе не взять с собой Фотия? Мальчишка мне очень нравится.

– Благодарю, государь! Для меня и моей семьи это великая честь.

Исповедь

Два человека неторопливо шли вдоль тёмного коридора тюрьмы. Один из них был в воинской одежде и сопровождал второго – в монашеском облачении. Направлялись они в сторону дальних, тщательно охраняемых камер, предназначавшихся для особо опасных преступников и государственных изменников. Стражник, дежуривший в ту ночь, окликнул их, и тот, кто был повыше, в одежде воина, отдал ему свиток:

– Приказ государя.

Стражник внимательно прочитал приказ и отчеканил:

– Проходите.

Двери отворились, и караульные повели обоих по узкому коридору, освещённому лишь тусклым сиянием факелов, к камере, в которой сидел одинокий узник. Травл, словно зверь, метался от одного края камеры к другому. Наконец, заслышав шаги приближающихся людей, он ухватился за металлические прутья и сдавил их что было сил.

– Отойти от решётки! – раздалась команда, адресованная заключённому. Тот нехотя подчинился, но глаза его при этом заполыхали недобрым огоньком.

Караульный тем временем открыл дверь, и монах прошёл в камеру.

– У вас десять минут, – напомнил высокий человек в воинской одежде.

– Я помню, не волнуйтесь.

Однако, едва охрана удалилась, Травл набросился на монаха, схватил его за ворот и прижал к холодной, пахнущей сыростью стене тюремной камеры. Тот хотел было позвать на помощь, но его голос превратился в глухой хрип. Воздуха не хватало, в то время как бедный монах вновь и вновь предпринимал тщетные попытки вырваться из цепких, тренированных рук Травла.

– Тише, святой отец, тише, – угрожающе шипел заключённый, но немного ослабил хватку. – А теперь слушай меня внимательно. Сейчас ты пойдёшь и найдёшь Феоктиста. Дальше ты передашь ему следующее: если они не избавят меня от смерти немедленно, я всех их выдам императору. Всех! Понятно?! Я расскажу, что все они участвовали в заговоре. И если ты посмеешь ослушаться – тоже будешь назван заговорщиком. Я ясно выражаюсь? – звенящим от ярости шёпотом пытал свою жертву узник. Искажённое от злости лицо Травла нависло над беспомощным монахом так угрожающе близко, что горячее дыхание обдавало своим пылом, а звон цепей скрежетом оставлял шрамы на сердце.

– Помилуй, Господи Боже! Это же клевета! Я не имею ...никакого отношения к этому... заговору, – сквозь спазмы в горле, судорожно хватая воздух, прохрипел инок.

– А вот это меня меньше всего волнует! И поверь: ещё меньше это будет волновать императора. Поэтому ты сделаешь то, что я тебе сказал, а потом забудешь о нашем разговоре и продолжишь жить, как жил раньше, – всё с той же злобой прорычал заключённый-палач.

Послышались шаги приближающегося стражника, и Травл поспешил принять смиренную позу, склонив голову и прося благословения. Бедный монах дрожащими руками перекрестил смертника и на негнувшихся ногах удалился из камеры.

– Что с вами, отче? – спросил подошедший воин. – Вы выглядите очень взволнованным.

– Ничего, сын мой. Просто... это... не всегда легко исповедовать таких важных людей.

Вот и разнервничался.

Воин пристально посмотрел на монаха, однако ничего не сказал и, пропустив того вперед, пошёл следом.

Выйдя на улицу, оба сели в ожидавшую их повозку и двинулись по дороге, освещённой многочисленными факелами. Даже самые тихие улицы в этот вечер были оживлены то и дело сновавшими туда-сюда людьми. Это был канун Рождества.

Рождественский грех

– Ирина, сестра моя! – распахнув объятия навстречу сестре, Ованес вошёл в комнату.
– Приветствую тебя, брат, – улыбнулась красивая молодая женщина со слегка смуглой кожей и выразительными чёрными глазами. – Как поживаешь? Ты выглядишь расстроенным.

Ованес ласково посмотрел на сестру:

– Всё хорошо, не переживай. Просто день был нелёгким. – Невольные нотки грусти мелькнули в голосе Ованеса, однако он тут же ослепительно улыбнулся и поспешил сменить тему.

Ирина по-настоящему озадачилась, уловив тревогу в голосе обычно такого уравновешенного и тщательно скрывающего свои эмоции брата. Иоанн, по достоинству прозванный Грамматиком, или Ованес, как называли его только близкие люди, перехватил её испытывающий взгляд и лукаво поинтересовался:

– А где же наш маленький гений?

– В своей комнате. Уже измучился весь, ожидая своего любимого дядю! – смеясь, ответила Ирина.

– Если позволишь, мне бы хотелось взять его с собой к императору. Кстати, и вы с семьёй приглашены во дворец.

– Это огромная честь, Ованес, но, к сожалению, муж мой неважно себя чувствует, и потому мы будем вынуждены принести императору свои извинения, – Ирина нервно улыбнулась.

Ованес прекрасно понимал, что так называемая «болезнь» мужа сестры вызвана не чем иным, как отказом подчиняться императору-иконоборцу и участвовать в еретической службе. Будучи твёрдым почитателем икон, Сергей, муж Ирины, общался с Ованесом как с родственником, однако предпочитал держаться на расстоянии от Иоанна Грамматика – одного из авторов иконоборчества и едва ли не самого яркого его сторонника. Стремясь хоть как-то сгладить ситуацию, Ирина ослепительно улыбнулась и сказала:

– Но ты можешь взять с тобой Фотия. Представляю, как он обрадуется!

– Хорошо, сестра, – ответил Ованес, улыбнувшись в ответ одними уголками губ.

Девятилетний мальчик красивой наружности сидел за своим маленьким столом, увлечённо над чем-то работая и не замечая вошедшего мужчину. Нежность засветилась в глазах философа при виде этой картины. Тихо подойдя к ребёнку, он замер от удивления: мальчик закреплял очередной камень в оправе чудесного по своей красоте медальона.

– Здравствуй, маленький гений! – мягко поздоровался Ованес.

– Дядя! – обрадованно воскликнул Фотий. – Я тебя так ждал, так ждал! Смотри, что я сделал!

– Очень красиво! Но, может, ты мне расскажешь, что это? – поинтересовался мужчина, рассматривая причудливые узоры, украшавшие медальон.

– Я и сам не знаю, дядя. Несколько раз я видел этот амулет во сне – запомнил и решил сделать, – ответил мальчик.

– А почему ты решил, что это был именно амулет, а не обычное украшение?

– Потому что мне очень хочется, чтобы этот медальон приносил счастье, – улыбнулся Фотий.

Ованес внимательно посмотрел на амулет, главной особенностью которого был незатейливый, но весьма загадочный узор, состоявший из нескольких кругов, и задумался о чём-то своём.

– Дядя, – сказал Фотий, отчего-то вдруг смутившись и опустив глаза. – Мне хочется подарить его одной девочке. Ты поможешь?

Ованес удивился, но, стараясь сохранить серьёзное выражение лица, сказал:

– Хорошо, Фотий. Ты мне расскажешь, кто она, и мы вместе подумаем, что можно сделать.

– Она... ну, она не обычная девочка.

– Ну, в этом-то я не сомневаюсь! – улыбнулся философ, и в его глазах заплясали весёлые огоньки. Племянник всегда знал, как поднять ему настроение. Всю усталость, накопленную за день, как рукой сняло.

– Её зовут Екатерина. Она сирота и воспитывается монахинями. Кстати, сам император её выделяет среди остальных и часто с ней беседует. Наверняка она сегодня будет в Соборе Святой Софии. Вот только боюсь, что матушка будет против того, чтобы я искал её по всему храму во время службы.

Ованес несколько растерялся от такого поворота событий. Но, решив, что не пристало такому мужу, как он, закалённому в политике и дипломатии, терять дар речи от простого заявления ребёнка о симпатиях к любимице императора, поспешил на помощь:

– Тогда можешь считать, что тебе повезло. Как раз сегодня мы приглашены во дворец. Так что у тебя будет прекрасная возможность пообщаться с Екатериной и поздравить её с Рождеством.

– Это правда, дядя? – с восторгом в глазах спросил мальчик.

– Ну конечно, правда! Так что не теряй времени и собирайся.

Фотий почувствовал, как за спиной выросли крылья. Душа его была озарена тем светлым предчувствием первой детской влюблённости, воспоминание о которой люди хранят на протяжении всей жизни как эталон чистой любви и абсолютного счастья.

Величественный храм Святой Софии в ту рождественскую ночь казался поистине неземным творением. Несмотря на поднявшуюся вновь выюгу, количество людей, собравшихся под его огромным сводом, продолжало неумолимо расти. Священники заканчивали последние приготовления, снуя из одного угла в другой, клирики постепенно занимали свои места, и все присутствующие были в приподнято-торжественном настроении.

В это время высокий, крепкого телосложения мужчина, во всём существе которого угадывалась принадлежность к военной службе, нетерпеливо кого-то разыскивая, пробирався сквозь толпу. Наконец, увидев нужного человека, он осторожно приблизился к нему и незаметно передал какую-то бумагу. Лёгким кивком головы отослав солдата и выждав немного времени, чтобы не навлечь подозрений, тот развернул послание, бегло пробежал по нему глазами и, стараясь не выдать своего волнения, поспешил к выходу из храма. Под покровом ночи он быстро подошёл к группе людей, плотно кутавшихся в тёмные плащи в попытке укрыться от свирепствующей выюги, и, поговорив с ними несколько минут, спешно вернулся в храм.

К тому времени императрица вместе с сыновьями уже поднялись на своё место, и все с нетерпением стали ждать появления государя. Взор каждого человека был обращён к южному входу, где располагались императорские врата.

Симпатичный мальчик, стоявший рядом с высоким мужчиной, казалось, был единственным безучастным к происходящему. Огромные серые глаза пытливо всматривались в толпу, стараясь кого-то отыскать в ней. В это время южные врата распахнулись, и в огромный зал вошёл император. Пройдя на клирос, Лев звучным голосом запел хвалебную песнь Господу.

Тем временем Фотий наконец увидел ту, что так часто посещала его мысли. Мальчик нетерпеливо взглянул на дядю и уже был готов бежать к Екатерине. Ованес, прекрасно понимая желание племянника, тем не менее попросил того проявить немного терпения, обещая помочь, как только представится возможность. Случай не заставил себя ждать: Даниелиду, с которой Екатерина была очень дружна, зачем-то позвала к себе настоятельница. Воспользовавшись тем, что девочка, ожидая подругу, осталась одна, Фотий поспешил к ней.

– Екатерина! – тихонько окликнул её Фотий. Вздвогнув от неожиданности и озираясь по сторонам, девочка испуганно сказала:

– Фотий, что ты здесь делаешь? Ты же знаешь, что законы монастыря очень строги и нам не разрешается общаться с мальчиками, тем более в стенах храма!

– Знаю. Но я ненадолго. Я... – Фотий мгновение поколебался, но, собравшись с духом, произнёс: – Я просто хотел поздравить тебя с Рождеством. – С этими словами он достал медальон и протянул его Екатерине. Девочка искренне залюбовалась чудесным подарком и с благоговением взяла его.

– Как красиво! Но что это?

– Это – твой амулет. Несколько раз я видел его во сне, после чего решил сделать. Думаю, что этот медальон будет приносить удачу. И мне очень хочется, чтобы он принадлежал тебе. Кто знает: может, со временем станет понятно, что он обозначает!

С трепетом рассматривая причудливые круги, Екатерина произнесла:

– Спасибо большое, Фотий.

Тут дверь отворилась, и к ним подошла Даниелида.

– Какая красота! – воскликнула она. – Что это?

– Мой медальон, – ответила девочка.

– Э... Екатерина обронила его в храме, а я нашёл и решил вернуть его хозяйке, – пришёл на выручку Фотий, мысленно прося Господа не записывать эту маленькую ложь во благо в книгу грехов.

– Что-то я не видела раньше у тебя таких дорогих украшений, – с улыбкой произнесла Даниелида. – Ну, да ладно. Нам пора. Незачем нарываться на неприятности в такой день, – сказала девочка, направляясь к выходу.

Екатерина последовала было за ней, но потом, словно поддавшись порыву, подбежала к Фотию. Робко посмотрев ему в глаза, она с нежностью сказала:

– Спасибо большое, Фотий! За всё.

Оставшись один, мальчик в очередной раз почувствовал, будто обрёл крылья. В тот момент он ощутил себя героем, способным преодолеть любые трудности и сотворить все самые красивые украшения, чтобы хотя бы ещё раз услышать «Спасибо, Фотий!» и увидеть радость в её глазах.

Неожиданно входная дверь отворилась, и Ованес, не на шутку встревожившись, подбежал к племяннику:

– Где Екатерина?

Впервые Фотий видел дядю в таком состоянии: лицо того заметно потемнело, а глаза бешено метали молнии.

– Она только что вышла вместе с Даниелидой, – растерянно ответил мальчик.

Тут наконец Фотий расслышал гул, усиливающийся с каждой минутой. В зале явно что-то происходило.

– Дядя, а что случилось?

– Потом, Фотий, – стараясь сохранять спокойствие и ясность ума даже в такой непростой ситуации, ответил Ованес. – Немедленно уходи отсюда! Найди Андрея, и ждите меня в карете. И не смей высовываться оттуда!

Казалось, напряжение дяди передалось и племяннику, потому что Фотий вдруг почувствовал дрожь во всём теле.

Андрей – конюший и верный подданный Ованеса – как ни в чём не бывало стоял возле кареты и что-то говорил лошадям, поглаживая их роскошные гривы.

– Андрей! – мальчик подбежал к молодому человеку и схватил того за рукав.

– Маленький гений, что случилось? – с улыбкой поинтересовался Андрей.

– Дядя сказал, чтобы я нашёл тебя и чтобы мы ждали его в карете. Что-то случилось в храме, но что именно – я не знаю.

– Тогда садитесь в карету, а я буду здесь. Вместе подождём вашего дядю.

Забравшись в карету, Фотий выглянул в небольшое отверстие, пытаясь выяснить, что происходит. Неожиданно воздух пронзил крик, который постепенно перерастал в ужасающий шум толпы, повторяющей, словно в оцепенении, единственную фразу: «Царь убит!».

Сидя в тёмной карете, Фотий уже не обращал внимания на толпу. В мысли его проникла пустота. Происходящее казалось сном, но мальчик понимал, что пробуждение будет непростым, ибо ничто уже не будет прежним.

– В ту ночь случился очередной переворот, – обратившись к ребятам, сказал Тимофей Иванович. – Император был убит, а его место на византийском престоле занял Травл. Тот самый, кому покойный Лев так опрометчиво решил сохранить жизнь. Пророчество Книги сивилл всё-таки сбылось. Но шли годы. Со временем случившееся в рождественскую ночь практически стёрлось из памяти византийцев, и жизнь вновь потекла в привычном русле. Однако после кончины императора Травла трон перешёл к его сыну Феофилу. Тот, по-прежнему глубоко переживая ужасную гибель своего любимого крёстного, ничего не забыл. И, едва взойдя на престол, жестоко отомстил всем, кто был виновен в гибели императора Льва. А в это же самое время далеко от величественных стен Царьграда начинало своё существование в истории молодое государство руссов-славян, распростёртое на огромной территории с севера на юг и с запада на восток, с множеством крепостей и укреплённых поселений. Вместе с Куябией, Славией и Артанией, а также со священным островом Руян – главным славянским центром – эта страна являла собой уникальный союз племён, связанных между собой духовными узами. Правда, в отличие от остальных городов, столица Артании – белокаменная Арта – была закрыта от посторонних и окутана ореолом тайны. Эта тайна долгие годы будоражила людские умы, побуждая к действиям всё новых и новых завоевателей. Но всё было тщетно до тех пор, пока на то была Воля Божия. Однако когда каган – такой титул носил князь Артании – приютил своего внезапно заболевшего друга, торговца из Константинополя, и впустил его в священную Арту, Ратмир, верховный жрец, понял, что час настал. В то утро он, как обычно, пришёл навестить князя. Однако взор его был печален... – Тимофей Иванович задумчиво посмотрел в окно, словно листая в памяти знакомые картины...

– Мы подходим к тому моменту, о котором нам вещали далёкие предки. Следует оставить Арту, князь, поскольку приблизилось то, о чём они предупреждали, – с грустью вынужден был признать верховный жрец.

– Вы требуете невозможного! – возразил Сагилл, каган Артанский.

– Я ничего не требую, князь, а лишь говорю о том, что наш город скоро падёт, и никто из смертных не сможет этому помешать. И хочу также напомнить, что об этих предсказаниях в той или иной степени известно нашим врагам, поскольку вы знаете, что информация распространилась повсюду.

– Что же ты предлагаешь?

– Постепенно уводить жителей, расселяя их по побережью вплоть до самых артанских границ.

– Вы предлагаете бросить их прямо в руки хазарам? Это подло!

– Это необходимо, поскольку так вы избежите куда больших жертв. Руссы смешаются с хазарами и получают возможность жить.

– Может, есть ещё какой-нибудь выход? – не унимался каган. – Отправить их в Киев, например.

– Нет, в Киев нельзя. Руссам нельзя уходить с этих земель – только так они сохраняют свою культуру и в нужное время передадут её потомкам.

– Или погибнут.

– Князь, я лишь рассказал тебе о том, что мне было открыто богами. Если поступишь, как они велят, – спасёшь не только свой род, но и весь мир от грядущей катастрофы, которая обязательно произойдёт в том случае, если Знания попадут в недостойные руки.

Сагилл задумался:

– Возможно, ты и прав. Сам я не брошу свой город, и если понадобится умереть, защищая его, я всё равно не отступлю. Но людей своих пожалею. Делай так, как считаешь нужным. Начиная постепенно уводить их из Арты.

Однако этим планам не суждено было осуществиться – несмотря на то, что жрецу удалось расселить небольшое количество людей по побережью вплоть до Тмутаракани, многие по-прежнему продолжали ждать своей участи в обречённом городе. И вот сейчас, с высоты крепости священной Арты, верховный жрец Ратмир, наблюдая за тем, как стремительно приближаются неприятельские всадники, неся с собой хаос и смерть, невольно задумался над тем, что волю богов нужно исполнять вовремя, поскольку в некоторых случаях промедление равняется гибели – если не физической, так душевной.

Тем не менее, несмотря на всю сложность ситуации, лицо жреца по-прежнему оставалось невозмутимо спокойным, а мудрые глаза светились покорностью.

– Не успели, – обречённо обронил он, но, тут же взяв себя в руки, начал раздавать чёткие указания своему помощнику и ученику:

– Мирослав, срочно собрать всех, кого можно, у главной стены крепости! Быстрее! Времени слишком мало. И предупредите кагана.

Потом, закрыв за собой дверь, Ратмир уверенно произнёс:

– Они не получают того, что так отчаянно ищут. И никто не получит ровно до тех пор, пока не исполнятся сроки.

С этими словами великий жрец бросил на пол зажжённый факел и решительно вышел из комнаты, оставляя за собой пламя пожара.

Каган, уже в доспехах, быстрым шагом подошёл к жрецу:

– Как это случилось?

– Змея всё равно ужалит того, кто её пожалел. Просто потому, что она – змея, – ответил тот.

Сагилл на мгновение прикрыл глаза, словно стараясь отгородиться от внезапно охватившего душу чувства вины, ставшей причиной столь печальных событий:

– Я не думал, что этот византиец окажется предателем.

– Пожалев его, ты, князь, выполнил свой долг перед страждущим человеком: приютил нуждающегося и оказал ему помощь. Нет твоей вины в том, что этот торговец оказался не в состоянии отплатить тебе тем же.

– Всё равно люди не должны расплачиваться за мои ошибки. Собери всех женщин, стариков и детей и уведи их.

Отдав приказ, каган вышел к воинам, в полном боевом облачении ожидавшим его у главной крепости священного града. Окинув взглядом всех собравшихся, могучий правитель обратился к ним:

– Братья! – прогремел его звучный, сильный голос. – Мои славные воины, свободные дети степи и истинные наследники Великой Скифии, верой и правдой служившие своей Родине! Новая беда не заставила себя ждать. Коварные хазары проникли в первое укрепление и скоро будут у наших ворот. Моя вина – в том, что я позволил этому случиться. Мне и отвечать. А потому я благодарю вас за верную службу и отпускаю с миром. Ратмир выведет вас и ваши семьи в безопасное место. Берегите вольный Дон, защищайте Артанию, наших жён и детей.

Не поминайте лихом и простите меня, если сможете. – С этими словами каган поклонился своему народу.

Однако никто из воинов даже не подумал сдвинуться с места. Один из них, самый старший, попросил разрешения говорить. Сагилл кивком дал согласие.

– Князь, – начал тот, – всё это время мы старались жить достойно, верой и правдой защищая Арту и её небесные сокровища. Почему же сейчас ты так жесток с нами? Почему лишаешь нас возможности достойно закончить эту жизнь, призывая взамен к бесславному существованию, никчёмной жизни с постоянным осознанием собственной трусости?! Нет, князь! Ежели судьба уготовила нам такой конец, самая большая честь для нас – достойно его принять.

Каган молча подошёл к старейшине и после тёплого рукопожатия обнял своего верного воина. Затем, повернувшись, вновь обратился к своей доблестной дружине:

– Братья, независимо от исхода битвы знайте: вы уже победители! Ибо невозможно победить дух. Каждый из вас уже прославлен в веках, и придёт время, когда потомки вспомнят и возгордятся тем, как умели жить и умирать их предки.

Со слезами на глазах Сагилл наблюдал, как его добрые воины подходят к нему и преклоняют колени в знак верности до самого конца.

Тем временем местные жители, среди которых были в основном женщины и дети, продолжали собираться около городской стены. Красавица Орифия, жена князя, и его сын подошли к Сагиллу. Взяв Аскольда на руки, каган крепко обнял мальчика.

– Отец, я хочу сражаться вместе со всеми. Почему ты меня отсылаешь? – обиженно спросил ребёнок.

– Сын мой, Аскольд! Теперь ты мужчина и должен будешь позаботиться о нашей маме и о твоём будущем братике или сестре. Ты нужен им, особенно когда меня не будет рядом. Обещай, что всегда будешь о них заботиться, Аскольд.

Мальчик, немного поколебавшись, наконец принял для себя решение. Серьёзно посмотрев на отца, Аскольд подал ему руку для воинского приветствия. Глядя на внезапно повзрослевшего сына, Сагилл одобрительно покачал головой и с улыбкой ответил на рукопожатие. Орифия тоже улыбнулась при виде этой картины, однако в её глазах застыли слёзы. В это время к ним подошёл Мирослав, помощник жреца, и обратился к кагану:

– Пора.

Обняв на прощание жену, Сагилл молча смотрел, как, удаляясь, его семья исчезает из виду. Понимая, что, возможно, больше никогда ему не суждено увидеть, как растёт сын, как рождается дочь, как улыбается его любимая жена, князь старался запечатлеть в памяти каждую деталь происходящего. Будто прочитав мысли мужа, Орифия внезапно развернулась и, с трудом пробираясь сквозь толпу спешащих к подземному ходу людей, бросилась к нему. Рыдая, прижалась она к широкой груди Сагилла.

– Ну, полно, родная, – утешал её князь, нежно обнимая и прижимая к себе. – Не стоит так убиваться. Всё будет хорошо. Вот увидишь, – говорил он, целуя её волосы. – Не терзай мне душу. Полно.

Ратмир, верховный жрец, подошёл к кагану, и Сагилл осторожно, но решительно отстранил от себя жену. С любовью вглядываясь в заплаканное лицо Орифии, князь сказал:

– Почему-то мне кажется, что у нашей дочери будут такие же красивые глаза, как у тебя. Береги себя, Орифия. Ты должна жить ради наших детей.

Молодая женщина сквозь слёзы улыбнулась и вместе с Ратмиром поспешила к безопасному убежищу. Повсюду царило гробовое молчание, которое ещё более остро ощущалось на фоне криков и воплей осаждавших стену всадников. Верховный жрец обвёл взглядом всю площадь и спокойно, но твёрдо сказал:

– Уходим!

Тайна лабиринта, проложенного под Артой много веков назад, передавалась из поколения в поколение, от одного жреца к другому, равно как и особые технологии изготовления металла, способного гнуться во все стороны и не ломаться. Металл этот обладал чудесными свойствами, будоража фантазии людей далеко за пределами Артании. Хазары, так жадно и целенаправленно стремившиеся к обогащению и власти, давно замыслили покорить столь недоступный город и получить ключ к таинственным технологиям. Однако, не имея возможности захватить хорошо укреплённую Арту силой, решили прибегнуть к хитрости и коварству.

– Будем надеяться на лучшее, – сказал жрец, ободряя людей, но в его голосе при этом появились неопределённые нотки, а взгляд устремился в вечность. Дождавшись, когда последний человек скрылся в темноте лабиринта, верховный жрец решительно закрыл проход и подошёл к князю. Сагилл, увидев Ратмира, не пожелавшего покинуть город вместе со всеми, очень удивился.

– На всё воля богов, – объяснил своё решение жрец.

– А как же люди?

– Не волнуйся, князь. Они в надёжных руках Мирослава. Моя же задача – уберечь сокровища Арты. А потому моё место здесь.

Каган с гордостью окинул взором свой величественный град, своих великих людей, которые предпочли смерть бесчестному существованию, и в его сердце поселилось счастье от осознания того, что ему выпала честь прожить свою жизнь в таком месте и с такими людьми. Тем временем пламя пожара, устроенного Ратмиром, уже полностью охватило крепость, и огненное зарево осветило ночное небо. Улыбнувшись, Сагилл уверенно поднял вверх меч, вызвав радостный, победный клич своих доблестных воинов.

3 месяца спустя

Аскольд стоял возле маленького холмика, ставшего последним пристанищем его красавицы-матери. Мирослав стоял рядом, погружённый в тяжкие думы о судьбе молодого князя и его новорождённой сестры. «Вот если бы Ратмир был жив, наверняка бы подсказал, как быть», – подумалось жрецу, взявшему на себя ответственность за княжескую семью после гибели доблестного Сагилла и верховного жреца Ратмира. «Мальчику явно необходимо мужское плечо», – рассуждал Мирослав, глядя на то, как отчаянно Аскольд сдерживает слёзы, то и дело обжигавшие глаза. Чувство вины за то, что не выполнил обещание, данное отцу, и не уберёт мать, которая так и не смогла пережить гибель мужа, несмотря на отчаянные старания сына, занозой засели в юном сердце, постепенно рождая в нём жажду мести за свою семью. Святослав, сын одного из защищавших Арту воинов, с которым молодой князь успел подружиться, как мог старался поддержать друга, но Аскольд, казалось, был полностью погружён в собственные мысли и не проявлял никакого участия к происходящему.

– Простите, что прерываю, – сказал юнец, которого Мирослав выбрал себе в помощники и ученики, – но у меня срочная грамота. Это от князя Вислава, брата нашего славного Сагилла.

Жрец со вздохом взял грамоту и стал читать. А когда прочитал, облегчённо вздохнул и, подняв руки вверх, радостно произнёс:

– Слава богам!

Но потом, словно спохватившись и устыдившись своего поведения, понуро опустил голову.

На следующий день Мирослав сообщил Аскольду о том, что его дядя Вислав скорбит о случившемся с братом и приглашает племянника к себе для обучения и взросления под его личным присмотром. Лучшего учителя для молодого князя жрец и придумать не мог! А для того, чтобы немного смягчить боль от предстоящей разлуки, Мирослав принял решение отправить с Аскольдом его друга Святослава.

Перед самым отъездом Аскольд долго сидел возле могилы матери, обещая ей (а заодно и себе), что отомстит хазарам, византийцам и вернёт Арту, чего бы ему это ни стоило. Потом вернулся, сосредоточенный и серьёзный, поцеловал сестрёнку и решительно отправился в путь.

Возвращение

16 лет спустя

Двое мужчин неспешно прогуливались по морскому побережью. Один из них был уже довольно преклонного возраста, но ещё сохранивший силу взгляда и твёрдость походки, другой – высокий юноша с чёрными, как ночь, волосами и благородными чертами мужественного, очень красивого лица. Улыбка коснулась губ молодого человека, когда тот вспомнил смеющуюся девушку, а сердце счастливо забилося от осознания того, что это – его вторая половина, его судьба.

– Мы должны встретиться, – сказал юноша, посмотрев на старца.

Однако тот лишь покачал головой:

– Эту встречу нужно заслужить.

– Но разве я мало сделал? Неужели вся моя жизнь в поисках дома была напрасной? Неужели то, через что я прошёл, оказалось недостаточным?

Орест остановился и строго посмотрел в пылающие карие глаза, в глубине которых, казалось, расплавлялась бронза.

– Если сейчас приблизишься к ней – назад пути не будет. Ты знаешь, что этим погубишь и её, и себя. Но что ещё важнее – своим поступком ты на неопределённый срок отложишь вашу встречу и саму возможность быть вместе. Есть Воля Божия, и наша задача здесь, на земле, – её исполнять. Особенно тем, кто наделён Божиими Дарами. Это – твой Крест. – Старец посмотрел на застывшее лицо своего спутника и добавил: – Но в любом случае, выбор всегда за тобой.

– Спасибо, – ответил молодой человек, но пламя в глазах не угасало. Сердце сжималось в груди. «Уж лучше не знать истины, чем выносить её муки», – подумалось юноше.

Орест похлопал парня по плечу и твёрдой поступью пошёл по песчаному берегу. Молодой человек ещё долго неподвижно стоял у воды. Волны почти касались его ног, но ему не было до этого никакого дела. Немигающим взором он смотрел вдаль, будто пытаясь разглядеть нечто, скрытое за горизонтом.

В тот день утро на острове Руян выдалось на редкость тёплым. Направляясь на молитву, Болислав, верховный жрец, подошёл к Алатырь-камню, трепетно прикоснулся к нему и прикрыл глаза. Спустя какое-то время к нему подошёл Вислав, князь руянский. Заметив его, Болислав сказал:

– Сегодня ночью боги открыли мне завесу будущего, и то, что я увидел, опечалило мою душу.

– Что же ты увидел? – поинтересовался князь.

– Тёмную тучу, надвигающуюся на русскую землю со всех сторон света и поглощающую в себя наших людей.

– Но что это значит?

– Не знаю пока, – вздохнул жрец. – Единственным человеком, наделённым богами способностью быстро отличать ложь от правды, был Ратмир. Мне же нужно время, чтобы отогнать злых духов и увидеть истину. Вот что, князь. Три дня и три ночи я буду молиться в уединении. Если боги будут благосклонны, мы получим совет, как поступить. А пока иди и помни. До тех пор никто не должен ничего знать о случившемся.

– Можешь не беспокоиться. Молись спокойно, и через три дня я буду ждать тебя на этом самом месте.

Верховный жрец, как и обещал, уединился в молитве, а для Вислава начались дни, наполненные тревожным ожиданием. Горькая дума не отпускала ни днём, ни ночью. Наконец, отчаявшись уснуть, князь поспешил на встречу со жрецом.

Болислав появился на рассвете.

– День сегодня добрый, княже. Что за угроза, мне по-прежнему непонятно, но подсказку, как поступить, я получил.

В это время Виславу доставили грамоту, в которой Гостомысл из Славии просил разъяснить увиденный им сон, вещавший, будто бы из чрева его средней дочери Умилы выросло дерево и покрыло своей листвой всю землю русскую. Взяв письмо в руки, жрец радостно воскликнул:

– Вот оно! Вот оно, наше спасение! Пойдём, пойдём скорее! – буквально волоча за собой удивлённого Вислава, жрец поспешил на главное поле.

Утренние упражнения в боевом искусстве были в самом разгаре, и молодые люди – рослые, крепкие, – словно пушинками, орудовали огромными мечами. Эта дружина была особой гордостью князя. Рюрик, самый старший из них, отличался здравомыслием и храбростью. Олег, родившись на Руяне, обладал способностью предвидеть события. Дир – огромной физической силой и бешеным темпераментом.

– Вон видишь: тот, что справа, самый высокий – Рюрик, старший сын Умилы. Когда коварные даны заманили в ловушку её мужа Годослава, Умила стояла на крепостном валу и всё видела. Бедная женщина успела закрыть глаза двум младшим сыновьям, а старший с ужасом наблюдал, как убивают его отца. С тех пор в его душе пылает тихое пламя мести. Посмотри, как он усердно тренируется и каких успехов добился не только в военном деле, но и в образовании! Умный, талантливый, сильный и стойкий. Это о нём был сон почтенного старейшины Гостомысла. И теперь я знаю, как поступить.

Однако князь, глядя на учебное поле, невольно залюбовался тем, кто уже давно вызывал в нём глубокое почтение. То был Аскольд, сын его покойного брата, наследный правитель Артании. Прибыв на Руян по приглашению дядьки ещё совсем мальчиком, Аскольд за годы упорного труда и обучения превратился в настоящего мужчину – храброго и мудрого. Обладая от природы утончённостью и великолепным чувством юмора, он быстро нашёл общий язык с новыми друзьями. Однако ближе всех юноша по-прежнему общался со Святославом, который, став одним из лучших воинов, был безмерно предан своему князю. Нередко они подолгу сидели на берегу моря и грезили о том, как приедут домой и вернут Арту. И вот теперь на этих юношей, взращённых в лучших традициях славянской веры, возлагалось будущее всей русской земли.

– Ну что же, раз такова воля богов – нам остаётся только подчиниться, – сказал князь самому себе.

Болислав сидел в своей комнате и размышлял над тем, как лучше осуществить задуманное, когда Вислав вошёл в его покои.

– Я знаю, как нам лучше поступить, – сказал князь. – Прежде всего необходимо убедить жителей Славии в том, что сон Гостомысла вещий, и им необходимо призвать на правление Рюрика, сына Умилы, о котором говорилось во сне.

– Да, пожалуй, ты прав, – согласился жрец.

Уже через считанные дни письмо было доставлено Гостомыслу. Тот, прочитав его, расстрогался и приказал собрать вече.

Вскоре, получив ответ из Славии, Вислав зачитал его на общем собрании, после чего обратился с речью к тем, кому в ближайшем будущем предстояло выполнить очень ответственную миссию:

– «Земля наша богата, только наряда в ней нет. Придите и правьте нами». Вы слышали это, мои отважные воины? – князь с гордостью посмотрел на небольшую группу молодых людей, растерянно стоявших неподалёку и отчаянно старавшихся понять, что задумал их мудрый правитель. – Ваше время настало. Повинуясь воле богов, я отправляю вас в земли русские с единственной целью – объединиться. Только вместе наши города смогут обрести силу для борьбы с врагами. Рюрика и Олега я отправляю в Славию. Киевское же княжество я поручаю Аскольду и Диру. Да благословят боги нашу великую Русь! Да будет так! – закончил свою речь Вислав.

Позже князь пригласил молодых мужчин на личную беседу. Былая торжественность и радость внезапно уступили место непонятной грусти от предстоящей разлуки с полюбившимися местами.

– Братья мои, боги хотят, чтобы все русские земли объединились. Хазарский каганат обретает всё большую силу. Чтобы противостоять ему и другим врагам, нашим городам необходимо держаться вместе. И эта задача возлагается на вас, мои дорогие.

Друзья слушали, и речи князя всё глубже проникали в их души. Молодая кровь воспламенялась от предчувствия будущих побед и от гордости за оказанное им доверие. Лишь Аскольд не разделял всеобщей радости. Осознавая всю тяжесть предстоящих событий, он лишь вежливо улыбался друзьям. Подойдя к юноше, князь улыбнулся:

– Где же твоё знаменитое чувство юмора, племянник? – попытался разрядить обстановку Вислав.

– Оно по-прежнему со мной, князь. Но грусть не отпускает меня.

– Отчего же?

– Отправляясь в сердце Хазарского каганата, да ещё в непосредственную близость с Византией, грех не грустить. – Аскольд внимательно посмотрел на Вислава. – Как мне забыть, дядя? Из-за них я лишился семьи, потерял родной город. Каково мне видеть, как исчезает с лица земли некогда великая Арта?! Как хазары всё сильнее и сильнее поглощают её богатство, разоряют белоснежные крепости?! Даже нашим званием кагана решили воспользоваться! Как я могу спокойно жить, зная, что мой народ вынужден страдать?! Зная, что тех немногих, кто пытается оказать сопротивление, попросту уничтожают?! Как я могу, осознавая всё это, бездействовать? И как смириться с мыслью, что даже своим возвращением я навлеку на моих людей беду, а потому вынужден отправиться в Киев, чуждый моему сердцу?

Князь вздохнул.

– Понимаю. Но боги не дают испытаний без возможности их преодолеть, если человек верен их воле.

– А кто знает, в чём их воля?

– Никто. Разве что время сможет ответить на этот вопрос. Одно я тебе могу сказать, Аскольд. Ты должен всегда оставаться твёрдым и непоколебимым. Не позволяй никому запугать или запугать себя. Тем более что всё необходимое для этого у тебя есть. Видят боги: твой отец бы гордился тобой.

При упоминании об отце Аскольд лишь грустно улыбнулся, но Вислав решил закрепить успех:

– Да, и вспомни о своей красавице-сестре! Я даже предположить не могу, какой она стала! Наверняка малышка безумно скучает и ждёт твоего возвращения.

Аскольд рассмеялся, вспомнив забавную девчушку, которую безмерно любил. Настроение его заметно улучшилось.

– Если не против, прежде, чем отправиться в Киев, мне бы хотелось хоть недолго побыть дома. Это возможно, дядя?

– Конечно! Тем более что ты это заслужил.

Аскольд счастливо улыбнулся.

Отметив перемену в настроении племянника, князь бодро продолжил:

– Ну вот. А теперь не грех и повеселиться! Жизнь? Ты знаешь, она может быть разной. Поэтому нужно уметь ею наслаждаться, особенно когда она это позволяет.

Часть первая. По следам «Пира»

Долгожданная встреча

Гроза, дождь, холод... Ливень застилает глаза и льёт так, что невозможно разглядеть и без того едва заметную тропинку в этом густом, почти не тронutom рукой человека лесу. Силы на исходе. Огонёк, горящий вдаль, всё ближе и ближе. Только бы добраться до него! Только бы хватило сил! Ветер пронизывает насквозь, вода стекает по одежде, лицу, волосам, заставляя мышцы сокращаться от неистового холода и озноба, но нельзя останавливаться. Только вперёд! Только вперёд! Наконец, вдаль показалась небольшая деревянная хижина. Быстрее туда – к свету, огню, теплу...

Тамира нехотя открыла глаза и огляделась вокруг. До рассвета было ещё далеко. Ночное небо озарялось яркими вспышками молний, а раскаты грома, то и дело сотрясавшие стены крепости – одной из тех, что каким-то чудом уцелела после нападения хазар, – проникали в душу, наполняя её трепетом и ощущением чего-то неземного. Лёгким движением руки девушка пригладила волосы, тщетно пытаясь побороть в себе мистический ужас, возникающий каждый раз, когда она видела один и тот же сон, обрывающийся на полпути. Несмотря на то, что подобное уже случилось с ней в реальности, сон продолжал возвращаться. Вновь и вновь она пыталась понять, куда же всё-таки так стремится во сне. Что это за огонёк, так будоражащий душу? Арти – годовалый охотничий пёс, которого доставили из Грустины, северной столицы Артании, и которого Тамира чудом спасла от гибели, выкупив у местного лавочника, – мирно дремал на своём коврике. Ему не было никакого дела ни до происходящего вокруг, ни до бушующей грозы. Невольная улыбка осветила лицо юной княгини, когда та посмотрела на любимого питомца. С лёгким вздохом девушка смирилась с тем, что, в отличие от своего пса, ей вряд ли удастся заснуть этой ночью. В надежде отвлечься от ненужных мыслей и скоротать время Тамира зажгла настольную свечу и подошла к книжным полкам. Несмотря на наличие в княжеской крепости огромной библиотеки, в которой её брат собрал лучшие произведения греческой философии и мировой литературы, привезённые купцами из разных уголков мира, Тамира после долгих уговоров наконец добилась разрешения иметь собственную библиотеку. Среди многочисленных книг, подаренных ей братом, девушка особенно выделяла произведение Платона «Пир». Было что-то трогательное и загадочное в легенде, описывающей разделение человека на две половины с целью соединить их здесь, на земле. Несколько раз она пыталась поговорить об этом со своими подругами и даже с братом, но все они мягко советовали ей заняться чем-то более полезным и не искать чёрную кошку в тёмном углу. С тех пор Тамира перестала разговаривать с ними на подобные темы, оставив собственные размышления на суд ночи и тишины, а единственным свидетелем этих размышлений стал Арти, ныне сладко дремавший в углу комнаты. Углубившись в чтение, девушка не заметила, как уснула, окутанная предрассветной негой.

Проснувшись, Тамира обнаружила, что уже рассвело, дождь прекратился, а Арти весело крутился возле своей хозяйки. Поспешно встав и пригладив волосы привычным жестом, девушка улыбнулась новому дню. Сон, конечно, хорошо, но реальность есть реальность. Со своими плюсами и минусами, чёрными и белыми полосами, она тем не менее была прекрасна. Не имея в характере склонности к долгой меланхолии, Тамира радостно шла навстречу жизни, ища ответы на многочисленные вопросы, то и дело возникавшие в её душе.

– Ваш брат вернулся, княжна, и уже спрашивал о вас. Сказал, что будет ждать вас в главной зале, – сказала Агнушка, единственная и любимая помощница и подруга Тамиры. Несмотря на высокое положение, молодая княжна предпочитала свободу и самостоятельность. А потому, после долгих споров со старшим братом и жрецом, девушка всё-таки добилась того, чтобы её избавили от всяких нянек, оставив при себе лишь Агну, сироту из Арты.

– Какое отличное начало дня, Агнушка! Сейчас же пойду к нему.

Быстро сбежав по лестнице, Тамира направилась в центральную комнату, где брат в свои редкие визиты подолгу принимал многочисленных посетителей, приходящих к князю со своими проблемами и докладами. Шум доносящихся из неё голосов служил верным доказательством того, что девушка была на верном пути. Однако, приблизившись к зале, Тамира невольно вздрогнула, отчётливо услышав своё имя. Голоса брата она не слышала, но тот, кто говорил с ним, был явно не в духе, и причиной этого недовольства, по всей видимости, была она, Тамира.

– Княже, твоя сестра уже не маленькая девочка, и ей пора найти своё место в жизни. А у неё на уме лишь книги да всякие ненужные помыслы, которые она не только пускает к себе в голову, но и забывает этим головы других людей.

– Тамира – всего лишь юная девушка, и это нормальное состояние для её возраста. Она любопытна, и не более того. Уверю вас: поводов для беспокойства нет.

– Она постоянно выезжает за пределы поселения и увлекается чтением.

– В этом есть что-то запретное?

– Нет, но она читает те книги, которые тайно приобретает у торговцев. Да и ещё её постоянное общение с этим чужеземцем!

– Ахмед – торговец, и Тамира выросла на его глазах. Она ему как дочь. Что плохого в их общении?

– Незачем будущей княгине водить знакомства с подобными людьми! Вот и вчера весь день пропадала в конюшне, помогая конюху ухаживать за молодым жеребцом, подаренным ей этим самым Ахмедом.

– Ну, вы же знаете, что Тамира научилась ездить верхом раньше, чем ходить.

– И ты всячески поощрял её в этом неженском занятии. Так же, как и позволил этому чужеземцу обучать её другим языкам.

– Если помните, я советовался с общиной по этому поводу – и ни у кого возражений не было. Зачем же вы мне говорите об этом сейчас?!

– Ситуация изменилась, князь. До меня дошли сведения, что хазары планируют занять господствующее положение среди всей русской равнины. И если ещё не получили поддержку Византии, то в ближайшем будущем получат. А потому нам просто необходимо принять меры, чтобы хоть как-то попытаться сохранить Артанию, особенно Тмутаракань. Византия уже давно положила глаз на наши территории в этом участке. Мы не можем рисковать и потерять их. Асы¹ – верные и надёжные воины, но их слишком мало, а потому нам нужна помощь.

Князь на время задумался, а потом с грустью признал:

– Возможно, вы и правы. Какие у вас есть предложения?

– Самый лучший вариант – брак между княжной и кем-то из рода Рюрика.

– Хорошо. Я обязуюсь обдумать все возможные варианты.

– И всё же я настаиваю. К тому же человек, о котором я говорю, – очень выгодная партия для нас.

Последние слова, произнесённые жрецом, а особенно интонация, с которой это было сказано, заставили девушку невольно поёжиться. Стараясь изо всех сил сохранять спокойствие, двигаясь на ощупь вдоль каменной стены, она направилась к тайному выходу из крепости. При-

¹ Асы – воины, предки современных казаков.

слонившись головой к холодному камню, княжна почувствовала, как царящий холод и мрак проникают во всё её существо, наполняя его ощущением безысходности. Не найдя лучшего выхода из сложившейся ситуации, Тамира взмолилась богам о даровании ей хотя бы небольшого перерыва и возможности смириться с происходящим.

Наконец, выбравшись из тёмного лабиринта, девушка ощутила, как давящая неизбежность будущего рассеялась вместе с мраком подземелья. С улыбкой подставив лицо утреннему солнцу и нежась в его тёплых лучах, она внезапно почувствовала острую необходимость на время уехать. Сбежать, дать себе возможность без свидетелей осмыслить случившееся, а уж потом, если так будет угодно свыше, предстать пред братом и неизвестностью.

– Что с вами, княжна? – спросила Агнушка, ожидавшая Тамиру в её комнате. – На вас лица нет!

– Агнушка, пожалуйста, не говори брату о том, что я знаю о его приезде, и приготовь мне одежду для верховой езды.

– Хорошо, княжна, – сказала перепуганная девушка, однако от растерянности не смогла сдвинуться с места, по-прежнему продолжая молча сверлить Тамиру непонимающим взглядом.

– Да очнись ты! – схватив помощницу за плечи, прикрикнула княжна. – О, Агнушка, да что с тобой?! Умоляю: перестань смотреть на меня как на безумную! Мне просто срочно нужно уехать. Нет времени всё объяснять. Расскажу, когда вернусь.

Возбуждённое состояние Тамиры передалось Агнушке, и она засуетилась, доставая любимую одежду княжны и роняя всё на своём пути.

Уже через несколько минут Тамира вошла в конюшню – по-прежнему бледная, но полная решимости. К счастью, там в этот момент никого не оказалось. Ловко вскочив на коня, девушка вихрем поскакала прочь от настоящего.

– Где Тамира? Ты точно не видел её? – Голубые глаза Аскольда вот уже двадцать минут метали искры, обращённые на конюха, в тщетных попытках добиться чего-то похожего на внятный ответ. Но тот лишь растерянно пожимал плечами: Тамиру он не видел со вчерашнего дня. Постепенно паника и дикий страх за жизнь сестры уступили место раздражению, и Аскольд жестом нетерпеливо отослал всех собравшихся прочь. Слуги, так или иначе имевшие отношение к его сестре, один за другим стали понуро покидать комнату. Буря всё усиливалась, а поиски девушки не давали никаких результатов.

– Агна! – неожиданно прогремел голос князя. – А ты останься.

Бедная девушка в смятении остановилась, дрожа всем телом и не смея поднять глаз. Аскольд молча посмотрел на служанку своей сестры, после чего медленно подошёл к ней и, подняв подбородок, заставил посмотреть в глаза. Увидев блестевшие в огромных синих очах слёзы, князь ощутил, как его раздражение исчезло, уступив место щемящей грусти и боли.

– Агнушка, я знаю, что ты – самая близкая подруга Тамиры. Я вижу и знаю, как ты за неё переживаешь. Поверь: я испытываю то же самое. А потому очень тебя прошу: помоги мне! Отбрось хотя бы на мгновение свои принципы о честности и верности, потому что от этого зависит жизнь дорогого нам обоим человека.

Не в силах вынести пристального взгляда Аскольда и увиденной в них боли, едва ли ни превосходящей её собственную, Агна заплакала.

– Я очень боюсь за неё. Сегодня с утра я сообщила княжне о вашем приезде – и она, радостная, поспешила поприветствовать вас. Потом вернулась сама не своя и заставила меня приготовить одежду для верховой езды. А после этого села на коня и усакала. Куда – я не знаю. Простите, пожалуйста! – рыдая, повторяла девушка.

Аскольд взъерошил длинные тёмные волосы, проведя по ним рукой, и на мгновение прикрыл глаза, не в силах принять тот факт, что собственными руками обрёк сестру на беду.

– Я не знаю, что произошло, – сквозь слёзы говорила Агна. – Я была так растерянна и напугана, что даже не попыталась остановить её, а теперь... – не в силах продолжать, девушка вновь разрыдалась.

Аскольд налил в кубок воды и подал девушке:

– Выпей воды, Агнушка. Твоей вины здесь нет, – произнёс Аскольд, не узнавая свой голос – таким безжизненным он ему показался. – Остаётся только молиться и надеяться на лучшее. Молись, Агна. Ступай и молись.

Девушка покинула комнату, а Аскольд молча остался стоять у окна, то молясь, то прокручивая детские воспоминания, связанные с сестрой. Когда же мучительное ожидание стало невыносимым, князь решительно развернулся и вышел из комнаты. Несмотря на проливной дождь, он направился к конюшне и приказал оседлать коня.

– Но Аскольд, – вышел навстречу жрец, которому только что доложили о случившемся, – погоди... – сказал он удаляющемуся всаднику. Постояв так какое-то время, Мирослав покачал головой и со вздохом пошёл обратно.

Старец

Вот уже битый час Тамира непонимающе смотрела на человека, которого уже долгое время считала своим наставником и учителем. Однако сейчас, когда она поделилась с ним своей бедой, никак не могла смириться с той истиной, которую старец пытался ей донести. Впервые девушка почувствовала, как реальность одним ударом разбивает все те грёзы и мечты, которые она так долго и тщательно выстраивала в своём сердце.

– Каждый человек свободен, Тамира. И ты обязана уважать эту свободу. Но ты также вправе решать, какую цену должен заплатить человек за место в твоём сердце. Это – твоя свобода. В этом – истинный показатель духовной зрелости и осознанности человека: не ущемляя свою свободу, уважать свободу других людей.

– Но разве возможно контролировать эмоции и подчинять чувства?

– Человек, думая, что контролирует эмоции, на самом деле становится пленником собственных заблуждений. Всё, что он может, – это, затапливая эмоции и чувства в глубины своей души, контролировать своё поведение. Однако в результате он просто перестаёт быть внутренне цельным, обманываясь сам и обманывая в себе других людей.

– Но как же быть?

– Запомни: если у человека на первом месте Бог – всё остальное будет на своих местах. Поэтому освободи своё сердце для Бога – и жизнь сама поведёт тебя туда, куда тебе надо. Только так ты сможешь прожить свою жизнь с пользой и прийти в результате к своему предназначению. Ты должна сама пройти этот путь и получить ответы, основанные на твоём собственном опыте. А для этого прежде всего необходимо совершить прыжок.

– Какой прыжок? – недоумённо спросила Тамира.

– Прыжок доверия. Только так ты сможешь собрать мозаику и найти ключ.

Девушка молча смотрела на безмятежную гладь реки, пытаясь собраться с духом и принять происходящее в её жизни.

– Орест, вы столько времени учили меня, а теперь предлагаете вот так просто отказаться от всего, что я знаю и умею, и совершить какой-то прыжок в неизвестность?! А как же ваши утверждения, что человек сам может управлять своей жизнью и вправе выбирать судьбу?

– Есть вещи, Тамира, которые объяснить невозможно. Можно только понять самой, пройдя через жизнь. Истина настолько многогранна, что нет единого правила, которым могут пользоваться все и вся. А если кто и утверждает, что таковое имеется, – так это те, кто своей целью ставит не освободить душу, а напротив, поработить её и подчинить своей воле. Жизнь – она как река: то тихая и спокойная, то бурная, то весёлая. И истинная мудрость заключается в умении распознавать и подчиняться течению жизни, применяя на практике знания и навыки, заложенные в природе человека. Тогда сама жизнь станет твоим учителем, помощником, другом и поддержкой.

– Но, Орест, то, что я услышала, настолько ужасно, что я даже представить боюсь, как этому можно подчиниться!

Старец ласково посмотрел на девушку, и Тамира ощутила уже ставшее привычным чувство покоя, наполняющего душу.

– У меня кое-что есть для тебя, дитя моё. – С этими словами старец достал до боли знакомую книгу. Это был «Пир». – Умей доверять жизни, Тамира, ибо она мудрее самых мудрых. Совершив прыжок доверия, абсолютного и беспрекословного подчинения жизни, ты встанешь на путь, который приведёт тебя к твоему сердцу, к твоей истине, к тому, что ты есть и кто ты есть. Ты ведь хотела разгадать загадку той книги, что на протяжении многих лет бередила твою душу? Время пришло. Достаточно пустых слов – ты знаешь и умеешь больше, чем думаешь.

– Но я ещё не готова.

– Никогда нельзя быть готовым абсолютно, Тамира. Наступает момент, когда нужно просто довериться и совершить прыжок. Только так ты сможешь пройти по пути, описанному Платоном, и обрести себя. Пройти по следам «Пира» шаг за шагом. А эта книга пусть будет твоей путеводной звездой и напоминанием о том, чему ты научилась за всё это время.

– Допустим. Но как тогда я узнаю, что прыжок доверия совершён? – спросила Тамира, глядя на книгу.

Старец задумался, словно вглядываясь в вечность, после чего сказал:

– Радуга. Это будет радуга. Она возвестит тебе о начале пути, и она же подаст тебе знак, когда ключ будет близок, – улыбнулся Орест.

Слова старца до слёз растрогали девушку, и она с благоговением взяла книгу. В тот момент ей показалось, что время застыло, – и невольное чувство торжественности и значимости происходящего наполнило её душу каким-то трепетом и восторгом. В тот самый момент Тамира поняла, что жизнь её больше никогда не будет прежней и этап подготовки завершён. Впереди непонятное будущее, наполненное всевозможными уроками и лабиринтами. Но что-то новое шевельнулось в её сердце, и исчез страх. Остались лишь предвкушение и доверие – чувства настолько завораживающие, что Тамира не сразу смогла справиться с их мощью и силой. Слёзы стояли в её глазах, когда она прощалась со своим добрым и дорогим учителем. Девушка так и не смогла понять, кто он, да и сам Орест ни разу не попытался пролить свет на этот вопрос, постоянно твердя, что в своё время она, Тамира, всё узнает. Вот только когда это время настанет, старец не уточнил.

Испытывая неприязнь к долгим и мучительным прощаниям, Тамира неспешно подошла к коню, мирно щипавшему траву неподалёку, и, стремясь собраться с мыслями, погладила роскошную гриву. Однако скрыть переполнявшие её эмоции было невозможно.

– Спасибо вам, Орест! – с дрожью в голосе произнесла девушка. – Я всегда буду помнить то, чему вы меня учили, и обещаю: пока бьётся моё сердце, оно будет наполнено благодарностью и верностью. Я вас не подведу. А теперь прощайте, друг мой.

Глядя вслед удаляющейся всаднице, старец ласково улыбнулся:

– Нет, Тамира, не прощай. А до скорой встречи.

Проведя бессонную ночь, полную терзаний, сомнений и беспокойства после долгих безуспешных попыток найти сестру под проливным дождём, Аскольд наконец погрузился в сон, когда его юный слуга вошёл в покои и сообщил о прибытии Тамиры. Шквал противоречивых эмоций обрушился на князя, и его усталость как рукой сняло.

– Когда?

– Только что. Я сообщил вам сразу же.

– Где она?

– Думаю, направляется к вам.

И действительно, Аскольд услышал приближающиеся голоса, о чём-то спорящие. Один из них принадлежал его сестре, другой – жрецу.

– Да подожди же... – С этими словами дверь распахнулась, и в комнату вошла Тамира. Вслед за ней ворвался жрец:

– Князь, я пытался остановить её, но твоя сестра не желала слушать, сообщив, что немедленно хочет тебя видеть.

Гневные искры полыхали в глазах Аскольда, и его взор был прикован к вздорной особе, которая прекрасно понимала, что после случившегося её вряд ли ждёт что-либо хорошее, однако даже не думала тушеваться – в её прямом и честном взгляде читались лишь достоин-

ство и благородство. И тут Аскольд впервые заметил, насколько его сестра изменилась с их последней встречи, – и некое подобие невольного восхищения мелькнуло в его глазах.

– Всё в порядке, – обратился он одновременно к жрецу и своему помощнику. – Вы можете быть свободны. Я сам разберусь, в чём дело.

Жрец нехотя поклонился и, скрепя сердце, покинул комнату, после чего юнец закрыл дверь, оставив брата и сестру наедине.

– Я надеюсь, ты хоть понимаешь, что твой поступок выходит за рамки не просто приличия, но и человечности?! Ты хотя бы на мгновение задумалась о том, сколько людей искали тебя под проливным дождём, сколько слёз и боли ты им причинила?

Каждое слово больно било Тамиру, и, стремясь выдержать, она по привычке крепко сжала руку в кулак. Этот жест не ускользнул от внимательного взгляда Аскольда, и перед его мысленным взором возникла маленькая девочка с огромными заплаканными глазами и тёмными кудряшками.

– Что случилось, крошка?

– Мне страшно, братец! Я боюсь темноты.

– Ты боишься темноты и поэтому плачешь?

Тамира подняла полные слёз глаза и жалобно посмотрела на старшего брата.

– Нет, не поэтому. Я плачу, потому что мне стыдно. Я не хочу бояться темноты, и всё равно боюсь.

Аскольд, этот взрослый юноша, уже успевший познать вкус войны и жизни, был просто обескуражен подобным заявлением пятилетнего ребёнка! Уже в тот момент он понял, что с сестрой нельзя общаться так же, как с её сверстниками, и с тех самых пор убеждался в этом всё больше и больше. Поэтому, задумавшись на какое-то время, он как бы нехотя продолжил:

– Ты знаешь, я тоже очень боюсь темноты.

– Ты?! – Тамира, казалось, забыла про своё горе, ошеломлённая подобным заявлением своего героя-брата, коим безмерно восхищалась и которого обожала.

– Я! Но ты знаешь, когда мне страшно, я делаю вот так. – Аскольд сильно сжал кулак. – И ты тоже попробуй.

Девочка сидела молча, заворожённо глядя на то, как старший брат берёт её за руку и сгибает маленькие пальчики в кулачок.

– Когда тебе будет больно или страшно, Тамира, делай вот так – и тебе будет легче. – Аскольд улыбнулся, поцеловал сестрёнку на прощание в лобик и вышел из комнаты, оставив восхищённого ребёнка на попечение тут же прибежавших нянек.

И сейчас, созерцая стоявшую перед ним девушку, он прекрасно понимал, что творилось в её душе, нарушая покой и создавая смуту. За время бессонной ночи он проанализировал всё услышанное от прислуги, сопоставил кое-какие факты и пришёл к выводу, что его сестра, должно быть, слышала их разговор со жрецом, отчего и решилась на необдуманный поступок. Понимая, что с ней лучше говорить прямо и открыто, князь решил начать с главного.

– Присядь, Тамира. В ногах правды нет.

И пока девушка подходила к предложенному ей стулу, продолжил:

– Прежде, чем я выслушаю твои оправдания и объяснения, где ты была, думаю, нам лучше разобраться с тем, что в данный момент волнует тебя больше всего, а именно – с твоим замужеством. Ведь из-за этого ты решилась на побег, не так ли?

Тамира невольно вздрогнула, но, взглянув брату в глаза, увидела искорки смеха, отчего на душе у неё вдруг стало тепло и уютно.

– А тебе, сестрица, никто никогда не говорил, что подслушивать – не очень красиво? – улыбнулся Аскольд.

– Да что ты, братец! Моя судьба решалась настолько эмоционально, что вас разве что в Киеве не слышали! – смеясь, ответила девушка.

Аскольд засмеялся, и уже через мгновение Тамира оказалась в крепких братских объятиях.

– Я очень рад тебя видеть, несносная девчонка!

– Я тоже очень рада, Аскольд. Я очень скучала.

Следующие полчаса Тамира рассказывала брату о своей жизни, о том, чему научилась, о прочитанных книгах, немного о своём загадочном друге Оресте и о том, как, услышав разговор брата со жрецом, решила уехать на время. Аскольд внимательно слушал сестру, периодически задавая вопросы или интересуясь её мнением, и полученные ответы были ему явно по душе. Подобное одобрение окрыляло Тамиру, и, купаясь в братской любви, она уже испытывала уколы совести по поводу того, что позволила себе смалодушничать и усомниться в брате.

– Ну а дальше ты знаешь. – С этими словами Тамира закончила разговор. – Прости меня, пожалуйста, брат, за то, что заставила всех переживать. Мне просто стала невыносима сама мысль о том, что я – всего лишь товар, который нужно как можно выгоднее продать.

Аскольд, задумавшись, молча подошёл к окну, и этот жест не на шутку встревожил Тамиру.

– Аскольд, ты же не собираешься меня продавать?

– Тамира, ты прекрасно знаешь, что мы обязаны чтить традиции и девушки выходят замуж за тех, кого им выберет совет старейшин.

– Я знаю, но...

– Ты понимаешь, что ты не просто девушка. Ты – княжна. А следовательно – та, кто считается образцом для остальных.

– Но, брат...

– Ничего не говори, Тамира. К сожалению, люди нашего положения не имеют права на чувства. Они полностью принадлежат своему народу. Поверь: мне очень больно оттого, что я прекрасно понимаю тебя и ничего не могу сделать.

Вся тяжесть мира в одно мгновение обрушилась на плечи, и Тамира, немного помолчав, подошла к брату. Глядя через окно на безоблачное небо, девушка безжизненным голосом спросила:

– Кто он, мой будущий муж?

– Совет старейшин считает, что наилучшим выходом в сложившейся ситуации будет твой брак с Синевиусом – братом Рюрика, что правит в землях Славии.

– Когда?

– После праздника летнего солнцестояния. Так что у тебя будет время всё обдумать и принять.

– Ну что же? Если это ваше окончательное решение, брат, то мне ничего не остаётся, кроме как смириться со своей судьбой. – Произнеся эти слова тоном покорной, воспитанной в лучших традициях девушки, Тамира и сама удивилась тому, что способна на подобное. Этим она немало удивила своего брата, который уже успел было подготовиться к логичному протесту со стороны своей упрямой сестры.

– Праздник ты встретишь здесь, после чего я распоряжусь сопроводить тебя в Киев, где начнётся подготовка к твоей свадьбе.

Тамира в ответ лишь спокойно кивнула головой. Во всём её существо чувствовались отстранённость и сосредоточенность.

Аскольд обнял сестру и, немного подумав, произнёс:

– Я не знаю, что происходит сейчас в твоей душе, но хочу сказать, что очень рад твоему благоразумному решению. Чем быстрее ты примешь происходящее, тем легче и проще тебе будет жить.

Поцеловав по традиции сестру в лоб, он развернулся, чтобы покинуть покои, однако задержался у самого выхода и, словно что-то вспомнив, обернулся и небрежно произнёс:

– Кстати, ты стала красавицей, за которую не стыдно было бы даже византийскому императору! – И стремительно вышел.

Тамира посмотрела на небо. Тело её дрожало, хотя погода была уже поистине летней, а в небесном просторе не осталось даже следов вчерашней бури. Обхватив руками плечи, девушка, словно молитву, повторяла единственную фразу: «Прыжок доверия». Как же это просто на словах и непомерно сложно в действиях! Доверять... Кому доверять? Чему доверять, если вокруг столько фальши и лжи? Орест хотел, чтобы она что-то поняла. Но что? Сколько нужно времени, чтобы понять или хотя бы узнать, о чём вообще идёт речь? Бесконечная вереница вопросов кружилась в голове девушки, но ни на один из них не было ответа. Единственной зацепкой, соломинкой в бездне происходящего вокруг абсурда была лишь эта фраза: «Прыжок доверия».

– Ну что же! – сама себе сказала Тамира. – Прыжок доверия – так прыжок доверия.

После этого девушка решительно направилась в конюшню, чтобы, по традиции, самой поухаживать за своим любимым конём.

День накануне летнего солнцестояния

Тамира проснулась от шума за окном и, не совсем осознавая, что происходит, попыталась подняться с кровати. В этот момент в комнату вошла Агна, неся в руках букет полевых цветов и расплываясь в улыбке.

– Подумать только, княжна: самый видный парень поселения приглашает вас провести с ним этот праздник! Ваши подруги наверняка обзавидуются! – Неподдельная гордость, светившаяся в огромных синих глазах Агнушки, заставила Тамиру улыбнуться, не вызвав тем не менее и тени удовлетворённого тщеславия.

– Люди не всегда могут понять, что на самом деле чувствуют. Очень многое они сами себе придумают, а потом сами же начинают в это верить. Цветы возьми себе, Агнушка, дабы не унижать лучшего парня, но пойти с ним на праздник я не могу. Так ему и передай.

– Но, княжна...

– Агнушка, делай, как я прошу! – Нежная полусонная улыбка Тамиры, как всегда, обезоруживала, и с горьким вздохом Агнушка вынуждена была подчиниться.

Весь день Тамира провела в хлопотах, помогая жителям поселения в подготовке к предстоящему празднику, и домой попала только к вечеру – уставшая, но радостная и довольная собой.

– Я уже и не мечтал тебя сегодня увидеть! – Тёплая улыбка Аскольда проникала в самое сердце Тамиры, невольно сметая все обиды и заставляя отвечать тем же. Смеясь, княжна сказала:

– Ты же знаешь, брат: идёт подготовка к празднику, и потому предстоит много работы. Да и ты тоже был занят. Так что даже если бы я провела весь день не выходя из дому, у нас бы всё равно не было времени пообщаться.

– Верно. А потому предлагаю это исправить.

– Как?

– Помнишь детские разговоры у костра?

– Как можно такое забыть?! Это было самое счастливое время в моей жизни!

– Как думаешь, дорогая сестра: мы заслужили хотя бы на миг повернуть время вспять и вновь ощутить покой и безмятежность?

– Нисколько в этом не сомневаюсь.

Степная южная ночь была наполнена ароматами цветущих трав. Огромный лунный диск освещал силуэты двух странников, сидящих возле костра. Тамира засмотрелась на тёмный небосвод, усеянный россыпью звёзд, и Аскольд невольно залюбовался сидящей перед ним девушкой. Его сестра стала настоящей красавицей!

– Как быстро летит время! Ещё недавно передо мной была смешная девчушка, требующая рассказывать страшные истории. И мне почему-то стало безумно интересно: каких историй потребует от меня прекрасная княжна?

– Прошло всего несколько лет, братец, поэтому я по-прежнему предпочитаю страшные истории. Однако на этот раз тебе стоит быть куда более изобретательным, чтобы заставить меня в них поверить!

Громкий смех Аскольда раскатами прокатился по степи, стирая стены времени между братом и сестрой. Так, вспоминая детские проказы и тайны, которые часто делили, шутя и смеясь, они вновь окунулись в ту атмосферу беззаботного и невинного счастья, которое несёт в себе детская чистота.

Смахнув выступившие от смеха слёзы, Тамира с умилением окинула взглядом родные просторы.

– Я никогда не была в Киеве. Тебе нравится этот город?

Тень обречённой грусти затуманила голубые глаза Аскольда.

– Чем больше город, тем больше в нём возможностей. Однако вместе с возможностями он несёт в себе и средоточие людских пороков, не столь заметных в маленьких поселениях. Но ни у тебя, сестра, ни у меня нет выбора. Наша судьба предопределена. Остаётся лишь смириться с этим и с честью выполнять свой долг. Насколько это вообще возможно.

– Понимаю.

– Но довольно об этом. Я слышал, ты водишь дружбу с неким Ахмедом. Поговаривают, что ты проводишь с ним больше времени, чем это допустимо для молодой девушки.

– Не верь глупым сплетням, Аскольд. Ахмед – торговец, который научил меня говорить по-арабски и по-гречески. Благодаря этому я смогла познакомиться с чудесными творениями многих философов. Ахмед каждый раз привозит мне новые книги. А ещё он мне подарил арабского скакуна. Говорят, что это самая выносливая порода лошадей, и я не раз имела возможность в этом убедиться. Я думаю, если бы ты с ним пообщался, то все сомнения по поводу него у тебя развеялись бы.

Аскольд улыбнулся:

– Поговаривают также, что ты интересуешься арабскими танцами.

– Это правда, брат.

– Но ты отдаёшь себе отчёт в том, что, поступая так, проявляешь неуважение к нашим корням?

– Почему ты так думаешь? Напротив, я искренне чту и уважаю наши традиции и обряды. Просто понимаешь, форма у танцев разная, но суть одна и содержание едино. И если человек научится слышать стук сердца земли, он познает эту суть и уже сможет придавать танцу любые формы. Так говорит Орест.

– А кто такой Орест?

– Отшельник.

– И чему ещё научил тебя этот Орест? – почему-то обеспокоенно спросил Аскольд.

– Многому. Например, тому, что всё в этом мире взаимосвязано, и что целью жизни каждого человека является необходимость собрать мозаику и обрести ключ. Орест говорит, что без ключа все знания мертвы, но и ключ невозможно обрести без собранной мозаики.

– Странные и туманные речи ведёт этот твой знакомый. Не стоит тебе общаться с подобными людьми, Тамира. Своими суждениями они лишь затмевают твой разум.

– Но что плохого в том, что человек учится, познаёт себя и окружающий мир или же просто думает? Неужели слепое следование традициям – единственно верный путь? А если даже и так, то я, к сожалению, не могу жить подобным образом. Хотя иногда очень хочется. Хочется забыть обо всём и просто жить. Без этого груза знаний. – Печаль заволокла красивые глаза Тамиры, и, стремясь поднять сестре настроение, Аскольд полушутя-полусерьёзно сказал:

– Ты говорила, что Орест научил тебя понимать суть танца. Так, может, ты станцуешь для меня?

– Хорошо, – ответила Тамира. – Только пообещай, что не будешь шутить по этому поводу!

– Обещаю.

Девушка радостно улыбнулась, неспешно провела рукой по траве, ещё не высушенной палящим южным солнцем и хранящей в себе свежесть и силу земли, после чего медленно встала. Ветер колыхал волосы, и Тамира прикрыла глаза, наслаждаясь дыханием земли, чувствуя биение её сердца и ощущая себя частью чего-то великого и вечного. Словно повинувшись и подчинившись этой силе, движение за движением, Тамира стала танцевать. Этот танец был наполнен чистотой и чем-то неуловимо манящим, порождённым, казалось, самой душой. Аскольд сидел не в силах пошевелиться, полностью порабощённый магией увиденного.

– Я не знаю, чему там тебя научил твой отшельник, но этот танец – самое необычное и чарующее, что я видел в своей жизни. И вот что я тебе скажу, сестра. Береги свою чистоту, ибо только в ней рождается всё самое прекрасное, возвышенное и светлое. Я не очень доверяю твоему старцу и по-прежнему против твоего общения с ним. Однако твоя чистота и есть залог твоей безопасности, поскольку облагораживает даже самое низменное, равно как и внутренняя грязь уничтожает даже самое святое.

Тамира была несколько обескуражена подобным заявлением брата, обнажающим его тонкое восприятие и врождённую мудрость. В тот вечер они ещё долго разговаривали о всяких мелочах, смеялись, радовались жизни, понимая, что в этот самый момент прощаются с прошлой жизнью и вступают на неизвестную тропу: Аскольд возвращается в Киев, Тамира выходит замуж. Призрачное будущее наступало с неизменным упорством, подчиняя и смиряя с неизбежным.

Похищение Тамиры

Несмотря на бессонную ночь, Тамира чувствовала себя необыкновенно хорошо. Гармония и покой приятно разливались по телу, когда она вошла в свои покои. Солнце уже начало вставать, и девушка подошла к окну, любясь рассветом. Глядя на поднимающийся жёлтый диск, который, словно царь, восходил на трон в своём великолепном золотом облачении, Тамира подумала, что судьба, если и не проста, но всё же не так зла, раз создала вокруг себя столько красоты и бесконечно дарит людям свою поддержку. Начинался новый день, и Тамира с радостью приветствовала его.

Аскольд великолепно смотрелся в своих походных доспехах верхом на вороном жеребце. Поначалу Тамира не могла сопоставить два образа, так разительно противоречащие друг другу: её добрый, мудрый брат с тонкой душевной организацией и этот бесстрашный воин, не способный, казалось, на обычные человеческие чувства. Но когда Аскольд спешил к сестре, Тамира увидела знакомые смешливые искорки, то и дело мерцавшие в бездне голубых глаз.

– Я искренне надеюсь, прекрасная княжна, что вы не натворите ничего такого, что помешало бы вам благополучно прибыть в Киев к концу месяца.

Тамира засмеялась и обняла брата:

– До встречи, Аскольд!

Маленький отряд, сопровождающий Аскольда, тронулся в путь. Тамира ещё долго смотрела им вслед и только после того, как дружина скрылась из виду, развернулась, чтобы пойти к конюшне. Однако жрец Мирослав преградил ей путь:

– Я рад, что ты согласилась на замужество, Тамира. Это первый твой умный поступок.

– Я никогда не обольщалась по поводу вашего мнения обо мне и моих умственных способностей. А потому прошу: не утруждайте себя напрасными заявлениями! – улыбнулась ему Тамира.

– Да как ты смеешь, наглая девчонка?! – жрец хотел было продолжить фразу, но княжна, не слушая его, пошла прочь.

Тем временем подготовка к празднику шла полным ходом. Местные детишки, завидев Тамиру, тут же облепили её со всех сторон с просьбой рассказать страшные истории. Тамира, смеясь, согласилась, потребовав взамен помочь ей плести венки из собранных трав.

Так, дав задание каждому из детей, княжна села в круг, взяла охапку трав, собранных из полевых соцветий, и стала рассказывать истории про злых чудовищ, которые то и дело вредили людям, и про добрых воинов, приходивших на помощь. Её любимица Веселинка, дочка местного кузнеца, заворожённо смотрела на Тамиру, и огромные зелёные глаза девочки становились ещё больше от ужаса воображаемых картинок. Вскоре работа была выполнена, и дети стали расходиться по домам. Одна лишь Веселинка продолжала неподвижно сидеть, сжимая в маленькой ручке так и недоделанный венок. В глазах её стояли слёзы.

Тамира подошла к девочке и села рядом.

– Что случилось, малышка?

Веселинка всхлипнула и срывающимся голосом заговорила:

– Я не доделала свой венок. А ещё мне очень страшно: вдруг эти злые чудовища нападут на нас?

Тамира улыбнулась.

– Ну, по поводу венка не переживай – я его доделаю. А чудовищ бояться не стоит. Посмотри, сколько у нас славных воинов! Твой папа, например. Чудовища боятся их, а потому никогда на нас не нападут.

Девочка с надеждой посмотрела на Тамиру, но потом вновь опустила голову:

– И всё равно мне страшно.

Тамира обняла ребёнка за плечи.

– А ты знаешь, что делают добрые воины, чтобы быть смелыми? Хочешь, научу?

Огромные зелёные глаза наполнились восторгом, а Тамира взяла крошечную ручку девочки и согнула пальчики в кулак.

– Когда тебе будет страшно, делай вот так. И страх пройдёт. Обязательно.

Веселинка заворожённо посмотрела на свой кулачок:

– Теперь я тоже бесстрашный воин?

– Ну конечно! – засмеялась Тамира.

Девочка радостно заплясала на поляне, вместе с Тамирой направляясь домой.

Солнце уже начало клониться к закату, и праздничное настроение полностью завладело местными жителями. Они то и дело подходили друг к другу, радостно поздравляли и желали удачного вечера. Заканчивались последние приготовления. Девушки в нарядных сорочках, с венками на головах робко посматривали на юношей. Те радостно отвечали, впечатлённые собственной значимостью. Некоторые бродили парами, а детишки то и дело сновали между взрослыми, устраивая соревнования в ловкости метания камней, из-за чего нередко получали затрещины от отцов.

Тамира смотрела на своё отражение в зеркале, стараясь подбодрить себя и настроиться на праздничный лад. Однако предательское сердце отказывалось внимать всеобщему веселью. Утренняя гармония сменилась непонятной тревогой и тоской, причину которой Тамира не могла ни понять, ни преодолеть. Агнушка весело сновала из комнаты в комнату, заканчивая последние приготовления к празднику и щебеча без умолку.

– Княжна, вы ещё не готовы? – поинтересовалась девушка, но тут же осеклась, заметив непривычную бледность Тамилы. – Ой, что это я вижу, княжна! Говорила же вам, что надо поспать! А сейчас посмотрите – на вас же лица нет! Так, я немедленно иду готовить отвар из трав, повышающих жизненные силы.

– Не стоит, Агнушка, всё хорошо. Вот увидишь: скоро я буду готова, – через силу улыбнулась Тамира.

Княжна вышла на улицу. Вдохнув свежий воздух, наполненный ароматом трав, девушка на мгновение прикрыла глаза и почувствовала, как тревоги отпускают её. Ветер колыбал её тёмные волосы, обволакивая, защищая и унося все мысли.

– Ну вот, так гораздо лучше. Вижу знакомый блеск в глазах – значит, всё в порядке, – Агнушка улыбнулась, вызвав ответную улыбку Тамилы.

– Ты права, Агнушка. Давай сегодня веселиться. Кстати, ты тоже замечательно выглядишь! – Тамира невольно залюбовалась миловидным личиком подруги, её огромными синими глазами и каштановыми бровями вразлёт.

– Спасибо! Княжна, – Агнушка немного замялась, – мне нужно вам кое в чём признаться.

– О чём ты?

– Дело в том, что мне пришлось рассказать князю о том, что произошло тем утром, когда вы так внезапно решили уехать.

Тамира улыбнулась.

– Я уверена, что ты это сделала из лучших побуждений, а потому несколько на тебя не сержусь. Хотя... – Тамира лукаво подмигнула подруге, – теперь, по крайней мере, понятно, откуда у моего брата такая осведомлённость.

Агнушка засмеялась, но в этом смехе прозвучали нотки грусти и тоски, что не ускользнуло от внимания княжны.

– Агнушка, всё в порядке? – Взгляд Тамилы, казалось, проникал в самое сердце, отчего Агнушка невольно занервничала.

– Да, конечно, – торопливо произнесла девушка, понимая, что ей не удалось обмануть княжну, и, стремясь побыстрее закончить ставший мучительным разговор, схватила Тамиру за руку. – Смотрите, там наши водят хоровод! Скорее к ним!

Тамира, понимая, что сейчас бесполезно что-либо выяснять, решила оставить разговор на потом и поспешила вслед за подругой.

А ночь тем временем окончательно вступила в свои права, покрыв темнотой всё вокруг. Уже повсюду горели костры, а река осветилась огромным количеством плавающих свечей и венков. Повсюду царили смех и радость, свойственные этим добродушным людям, наследникам древних кочевых народов и детей степи.

Тамира сидела на берегу реки вместе с Агнушкой, когда к ним присоединилась маленькая Веселинка, любовавшаяся великолепным венком, подаренным Тамирой.

– Княжна, а можно мне пойти прыгать через костёр вместе с вами?

– Конечно, малышка. Ты уже не боишься страшных чудовищ?

– Не-а! – храбро произнесла девочка, демонстрируя свой маленький кулачок, будто угрожая кому-то невидимому.

Агнушка и Тамира засмеялись, и все вместе отправились на лужайку, где уже во всю мощь красовался огромный костёр, сложенный из множества веток. Вокруг костра девушки и юноши, женщины и мужчины, старики и дети водили огромный хоровод, поражающий своей красотой. Веселинка радостно побежала вперёд, а Тамира ненадолго остановилась, стараясь запечатлеть в памяти этот момент, эту картину дикой и истинной свободы, чувствуя, как неминуемая петля судьбы затягивается вокруг неё, мешая жить и дышать.

– Посмотри на них, – обратилась она к Агнушке. – Они счастливы, радостны! Знаешь, мне будет очень не хватать всего этого. Всех этих людей – открытых, простых, добрых и честных. Даже наш жрец, приставленный следить и постоянно препираться со мной, не вызывает никакой злобы. Но меня пугает Киев. Что меня там ждёт? Смогу ли я остаться там самой собой, или же колесница судьбы безжалостно меня поглотит? Как думаешь, Агнушка?

Агнушка грустно вздохнула.

– Кто знает? Одно могу сказать: пока человек что-то не попробует, он не поймёт, что к чему. Если так суждено, то так тому и быть. Чего-то вы лишитесь, но что-то обязательно приобретёте. Лишь время может дать ответ на ваш вопрос, княжна.

Тамира улыбнулась и обняла подругу.

– Спасибо тебе, Агнушка. За всё спасибо!

Внезапный шум, раздавшийся со стороны поляны, на которой люди водили хоровод вокруг костра, заставил Тамиру встрепенуться. Словно во сне, девушка наблюдала, как преследуемые вооружёнными всадниками люди в панике разбегаются кто куда; некоторые из них падают, и повсюду раздаются крики, вопли, плач. Неожиданно в общем хаосе она разглядела фигуру ребёнка. Веселинка что было сил бежала от преследовавшего её всадника и отчаянно звала на помощь Тамиру. Не раздумывая ни секунды, княжна бросилась навстречу.

– Княжна, нет! – закричала Агнушка, тщетно пытаясь остановить подругу.

Подбежав к дереву, в дупле которого хранились её лук и стрелы, Тамира схватила оружие и выстрелила. Однако в темноте стрела пролетела мимо, и княжна тут же зарядила вторую. На этот раз удача улыбнулась ей – и всадник, сбавив скорость и немного покачнувшись в седле, рухнул на землю. Не мешкая, девушка бросилась навстречу ребёнку.

Веселинка, вся в слезах, упала на руки вовремя подоспевшей Тамире. От шока девочка была не в состоянии вымолвить и слова. Стремясь в общей панике достучаться до сознания ребёнка, Тамира обхватила руками заплаканное личико. Внимательно вглядываясь в испуганные зелёные глаза и стараясь говорить как можно спокойнее, девушка произнесла:

– Малышка, ты помнишь, что я тебе рассказывала про злых чудовищ? – сквозь слёзы девочка кивнула. – Ты помнишь, что нужно делать? – С этими словами Тамира взяла ладошку ребёнка и свернула её в кулачок. – Ничего не бойся, слышишь? Всё хорошо. Ты в безопасности.

Словно зачарованная, Веселинка подчинилась сильной воле Тамиры.

– Вы в порядке? – запыхавшись, подбежала к ним Агнушка.

– Да, всё хорошо. Уходим отсюда, – ответила Тамира.

– Княжна, – обречённо прошептала Агнушка, глядя на горизонт.

Проследив за взглядом подруги, Тамира увидела двух всадников, стремительно направлявшихся к ним. Поспешно оценив ситуацию, девушка резко произнесла:

– Бери ребёнка, и уходите отсюда. Переждёте в лесу – там безопаснее.

– Нет, княжна! – в панике закричала Агнушка. – Я без вас никуда не пойду!

– Я сказала: уходи! Быстро! Со мной всё будет хорошо, не переживай. Нет времени на раздумья. Уходите немедленно! – одновременно подталкивая оцепеневшую подругу и надевая лук и стрелы, говорила Тамира.

Быстро подбежав к коню, оставшемуся без хозяина, Тамира вскочила на него и поскакала навстречу преследователям, преграждая им путь и давая Агнушке и Веселинке возможность скрыться в чаще леса. Выстрелив и сбив одного из всадников, княжна едва успела уклониться от летевшей в неё стрелы. Но тут девушка почувствовала, как конь начал сбавлять скорость. Стремясь разобраться, в чём дело, Тамира посмотрела по сторонам – и вскоре её взгляд упал на торчавшую в боку вороного красавца стрелу. Стон вырвался из груди девушки – частично от жалости к раненому животному, а частично от осознания собственной обречённости.

Спешившись, Тамира погладила ухоженную гриву коня, словно извиняясь перед ним, и что было сил побежала в сторону леса, надеясь на спасительный покров темноты. Однако все её усилия оказались напрасными. Настигнутая вражескими верёвками, девушка, не сумев сохранить равновесие, рухнула на землю. Ноги её были спутаны, а возникшая поблизости грозная мужская фигура показалась княжне воплощением тех самых чудовищ, о которых она часто рассказывала детишкам. Не желая тем не менее доставлять удовольствие врагам, Тамира, сжав руки в кулак, преодолевая страх и боль, заставила себя подняться и гордо посмотреть чудовищу в лицо. Не ожидая подобной дерзости, громила издал звук, показавшийся Тамуре рыком дикого зверя, и, резким движением схватив девушку за волосы, больно запрокинул ей голову. В тот момент Тамира решила, что пришёл конец её земной жизни, и, мысленно прося предков принять её душу, прикрыла глаза.

– Свяжите её! – резко толкнув девушку, прорычал громила, обращаясь к своему только что подоспевшему помощнику.

Не удержавшись, Тамира рухнула к ногам всадника. Спешившись, мужчина помог девушке подняться и стал связывать ей руки. Смирившись с ситуацией, Тамира перестала оказывать сопротивление, а её глаза с надеждой всматривались в тёмное небо в поисках ответа на единственный мучивший её вопрос: как совершить прыжок доверия, когда обстоятельства всячески препятствуют этому, становясь всё безвыходнее и безнадежнее? Но небо отвечало ей лишь безмятежным, манящим, обволакивающим покоем, освещённым бесконечной россыпью звёзд. И Тамира чувствовала этот покой, наполняясь им и растворяясь в нём. Да, её судьба ей не принадлежала, но чья-то невидимая поддержка была настолько очевидной, что девушке ничего не оставалось, кроме как довериться этой силе. Подчиниться и с достоинством встретить то, что ей предназначено.

А потому, когда великан вновь приблизился к княжне, Тамира встретила его лёгкой усмешкой и спокойным взглядом больших тёмных глаз. Оправившись от потрясения, вызванного столь необычным поведением пленницы, громила грубо схватил девушку и поволок к полянке, на которой Тамира разглядела таких же пленных, как она, связанных по рукам и охраняемых вооружёнными всадниками. Вскоре их всех доставили в Хамлидж. А ещё

через несколько дней Тамира вместе с другими славянами была продана приезжим еврейским купцам за несколько дирхем и, пройдя сотни километров вниз по Дону и Волге, оказалась на корабле, отправлявшемся в город Хорезм, где в то время располагался один из самых крупных рабовладельческих рынков.

На корабле

Погода стояла солнечная. Торговое судно мирно покачивалось на волнах, а блики солнца золотом отражались в воде. Тамира засмотрелась на эту игру света, и в её сознании всплыл такой же погожий день несколько лет назад. Миновав коридоры времени, девушка мысленно перенеслась в тот момент, когда яркое солнце таким же золотом разливалось по чистой прозрачной водной глади...

– Орест, я готова к урокам, – улыбнулась Тамира, увидев старца, который вышел на поляну из леса, неся в руках корзину с травами.

Старец улыбнулся в ответ:

– Ну, раз ты так жаждешь знаний, что ни свет ни заря пришла сюда, то иди, сделай нам отвар из трав и захвати с собой «Пир» Платона. Будем постепенно разбирать, о чём там написано.

– Можно подумать, там что-то непонятно написано и может быть неправильно понято.

– Просто принеси книгу, а дальше ты сама решишь, понятно или непонятно там написано.

Тамира засмеялась и уже через несколько минут, подперев щеки руками, внимательно слушала своего учителя, который, сделав глоток ароматного травяного отвара, приступил к чтению одного из величайших произведений Платона.

– Итак, дитя моё. Начнём с первого диалога, в котором великий философ устами некого Федра рассуждает на тему древнейшего происхождения Эроса. Послушай, что он пишет:

«Весьма многие сходятся на том, что Эрот – бог древнейший. А как древнейший бог, он явился для нас первоисточником величайших благ... Ведь тому, чем надлежит всегда руководствоваться людям, желающим прожить свою жизнь безупречно, никакая родня, никакие почести, никакое богатство, да и вообще ничто на свете не научит их лучше, чем любовь. Чему же она должна их учить? Стыдиться постыдного и честолобиво стремиться к прекрасному, без чего ни государство, ни отдельный человек не способны ни на какие великие и добрые дела... Я утверждаю, что, если влюблённый совершит какой-нибудь недостойный поступок или по трусости спустит обидчику, он меньше страдает, если уличит его в этом отец, приятель или ещё кто-нибудь, – только не его любимец. То же, как мы замечаем, происходит и с возлюбленным: будучи уличён в каком-нибудь неблагоприятном поступке, он стыдится больше всего тех, кто его любит. И если бы возможно было образовать из влюблённых и их возлюбленных государство или, например, войско, они управляли бы им наилучшим образом, избегая всего постыдного и соревнуясь друг с другом; а сражаясь вместе, такие люди даже и в малом числе побеждали бы, как говорится, любого противника: ведь покинуть строй или бросить оружие влюблённому легче при ком угодно, чем при любимом, и нередко он предпочитает смерть такому позору; а уж бросить возлюбленного на произвол судьбы или не помочь ему, когда он в опасности, – да разве найдётся на свете такой трус, в которого сам Эрот не вдохнул бы доблесть, уподобив его прирождённому храбрецу? И если Гомер говорит, что некоторым героям отвагу внушает бог, то любящим даёт её не кто иной, как Эрот. Ну, а умереть друг за друга готовы одни только любящие. Итак, я утверждаю, что Эрот – самый древний, самый почтенный и самый могущественный из богов, наиболее способный наделить людей доблестью и даровать им блаженство при жизни и после смерти».

– Ну так что здесь непонятного? На мой взгляд, всё предельно просто и ясно описано. Любовь побуждает человека стремиться к прекрасному и является мерилom совести.

Старец внимательно посмотрел на Тамиру, будто решая, с чего начать:

– Неужели ты думаешь, дитя моё, что, будь всё так просто, как кажется на первый взгляд, и смысл любви был так очевиден и понятен – этот вопрос не был бы решён сразу же после того, как возник? Первоисточником всех благ действительно является Любовь. Любовь, способная вырвать человека из цепких лап обыденности, обречённости и даже смерти. Любовь, способная сделать человека в тысячи и десятки тысяч раз больше себя самого, подарив ему при этом величайшие блага и дары. Любовь. Но что это за любовь? Величайший вопрос всех времён и поколений, который, как звезда, кажется то близко, то далеко. То приближаясь, то вновь удаляясь, манит таинственным светом, зовёт, а потом, словно по волшебству, исчезает, возвращая страждущий, ищущий ум и пылливое сердце на тропу поиска. И всё идет по кругу. Вновь и вновь. Так неужели ты думаешь, что всё так просто и понятно?

Тамира задумалась:

– Насколько я знаю людей, в самой их природе заложено всё усложнять и постоянно что-то искать. А потому нет ничего удивительного в том, что всех так манят вопросы, на которые, по сути, и не может быть ответа.

Орест улыбнулся:

– Но ведь и ты тоже что-то ищешь, иначе бы не пришла сюда и не стала задавать вопросы, на которые, согласно твоей логике, не может быть ответа. Что-то в твоей ещё не до конца уснувшей душе терзает и зовёт тебя. Что-то, чего ты не можешь осознать и от чего не получается избавиться.

Осознавая правоту Ореста, Тамира опустила глаза.

– В жизни можно познать полное счастье, лишь будучи дураком или мудрецом, – продолжил свой рассказ Орест. – Не пытайся познать всё сразу и перестань бегать от самой себя. Увидь себя, прислушайся к себе. Всё, что от тебя сейчас требуется, – это абсолютная честность, и прежде всего с самой собой. Пойми, что для тебя является прекрасным, а что – безобразным, и приумножай в своей жизни прекрасное. Начни с мелочей. Разберись с тем, что ты действительно любишь, а что тебя заставляют любить устои общества и окружение.

– Но как же мне услышать себя? И как понять, что то, что я слышу, и есть я?

– Только не думай, пожалуйста, что с первого раза у тебя получится услышать свою душу. Пойми: люди настолько долго бегают от себя, что потребуется едва ли не столько же времени, чтобы к себе вернуться. Хотя, пожалуй, есть один способ.

– Какой?

– Каждый вечер, перед тем, как ложиться спать, проводи какое-то время в полном расслаблении. Мир, нас окружающий, на самом деле куда более многогранен, чем может показаться на первый взгляд. Наш разум не приспособлен к восприятию всех уровней мироздания, однако наше тело погружено в бесконечное множество энергетических пространств. Наше тело, Тамира, – единственная явная и видимая часть мироздания. А потому оно хранит в себе огромное количество информации, которая непосредственно влияет на человека и его судьбу. Часть этой информации человек наследует от предков, а часть накапливает сам в течение жизни.

– А что значит побыть в полном расслаблении, и как это поможет получить доступ к информации?

– Стремиться получить доступ к конкретным вещам крайне опасно, да и не нужно. Поверь: всё необходимое открывается человеку в то или иное время, ибо мера информации, которую человек может вместить и осознать, не теряя при этом разум, у каждого своя. Всё, что от тебя требуется, – это не мешать своему телу самоочищаться.

– Как же это? Ничего не понимаю!

– Тогда попробуй прямо сейчас полностью расслабиться. Отпусти свои мысли и освободи своё тело.

Тамира прикрыла глаза.

– Что ты чувствуешь? – спросил старец.

– Не знаю. Пока ничего.

– Попробуй оценить: всё ли твоё тело наполнено энергией? Течёт ли эта энергия без препятствий, или же какие-то участки твоего тела как будто бесчувственны и зажаты?

Некоторое время Тамира ничего не ощущала – никакой энергии и никаких зажимов. Однако вскоре девушка почувствовала, как острая боль пронзила её шею. Не успела Тамира осознать, что произошло, как боль так же внезапно прошла, уступив место непонятной скованности. Открыв глаза, девушка испуганно посмотрела на старца.

– Ну как? – спросил Орест.

Тамира, всё ещё потрясенная пережитым, сказала:

– Мне почему-то стало страшно.

– Ты абсолютно права, дитя моё. Страх – самый мощный противник любви. Там, где страх, любви не будет. И наоборот.

– Но я бы не сказала, что чего-то боюсь.

– Тамира, страх – это куда больше, нежели то, чего ты боишься. Тот страх, о котором ты говоришь, – это не что иное, как естественный страж твоей безопасности. Но есть другой вид страха. Он, как незаметный фон, присутствует в твоей жизни, уводя тебя от самой себя настолько далеко, что, даже будучи сильной и смелой, ты не поймёшь, что происходит.

– А как мне от него избавиться?

– Прежде всего, как я уже говорил, перестань от себя бегать. В следующий раз, когда почувствуешь зажим в какой-либо области тела, не прекращай расслабление. Мысленно иди в это место и позволь себе заново прочувствовать всё, что там накопилось. Будь то злость – позволь себе испытать её. Если боль – иди ещё глубже. Поверь: большее, чем есть, уже не будет. Что бы ты ни чувствовала, позволь этому быть. Воспринимай всё происходящее с благодарностью. Только абсолютное принятие позволит тебе освободить тело от всех страхов и зажимов. Однако, испытывая эмоцию, наслаждайся не её содержанием, а силой самой эмоции. И благодаря – искренне и от всего сердца.

– А сколько времени нужно, чтобы избавиться от ненужных зажимов?

– У каждого по-разному. Но помни: самое главное на этом этапе – вернуть своему телу естественность. Научиться работать со своими мыслями. Пропуская их через себя, не соединяться с ними и отпускать то, что тебе не нужно. От безобразного прийти к прекрасному, как и описывал Платон.

– Но он же говорил всего лишь о побуждении любви стремиться к прекрасному.

Старец мягко улыбнулся и сказал:

– Дитя моё, позже, когда ты немножко познаешь саму себя, ты научишься читать между строк. А пока не пытайся ничего понять. Просто делай. Всему своё время.

Тамира вздохнула: хоровод мыслей в голове не унимался. Старец, видя всё это, ласково улыбнулся.

– Поработай с собой, послушай свою душу. А когда выполнишь мое задание – приходи...

– Обед! Все на обед! – грубоватый мужской голос, поднявший гул на палубе, вывел Тамиру из задумчивости, и девушка не спеша побрела занимать очередь. Несмотря на то, что условия содержания рабов были далеки от надлежащих, кормили тем не менее хорошо. Тамира взяла свою порцию рыбы с овощами и отошла в сторону. Общаться ни с кем не хотелось. Отстраненно наблюдая за происходящим, девушка с тревогой ожидала того часа, когда корабль прибудет в Хорезм.

В Хорезме. Невольничий рынок

Всю следующую неделю после прибытия Тамира вместе с другими девушками, отобранными из огромного количества пленных, провела в подготовке к предстоящей восточной жизни. Молодых красавиц обучали танцу живота и манерам, необходимым для жизни в одном из гаремов. Несмотря на то, что перспектива такой участи была куда более радужной, нежели обычное рабство, Тамира не особо старалась учиться, по-прежнему предпочитая держаться в стороне от происходящего. Однако в отличие от неё, остальные девушки крепко ухватились за предоставленную возможность выгодно устроить свою жизнь. Мечтая о красивой восточной сказке, постоянно конкурируя друг с другом, они всеми силами стремились достичь совершенства. Когда же импровизированное обучение закончилось, живой товар облекли в красивую обёртку и повели на рынок.

Идя навстречу своей судьбе по узким изворотливым улицам города, Тамира любовалась необычной восточной архитектурой, столь отличной от всего того, что ей приходилось видеть до этого. Вскоре взору девушки открылась площадь, на которой расположился огромный рынок, пестрящий разнообразием товаров – от песцовых шкур и украшений до людей. Последних, казалось, было здесь больше, чем воды в море. Потрясённо глядя по сторонам, Тамира невольно замедлила шаг.

– Чего остановилась?! Пошла! Пошла, я сказал! – больно толкнув девушку в спину, заорал сопровождающий.

Тамира с яростью посмотрела на обидчика и, стиснув зубы, пошла дальше. Наконец, расположившись на рынке, рахдонит² стал с улыбкой демонстрировать свой товар.

Проходящие мимо люди то и дело разглядывали девушек: кто нагло с головы до ног, кто с презрением, а кто просто с любопытством. Встречались и те, кто проявлял сострадание, но в основном потенциальные покупатели не упускали возможности подойти к красивым рабыням и бесцеремонно пощупать их. Когда же один из таких любителей остановился возле Тамиры, девушка опустила глаза и изо всех сил сжала кулаки в надежде сохранить самообладание. Однако когда толстый богач подошёл поближе и со словами «Хороша девка!» потянул к ней свои руки, Тамира резко повернула голову и на прекрасном арабском бросила ему в лицо:

– Пошёл вон!

Опешив, богач сначала хотел было что-то сказать, однако, передумав, злобно сверкнул глазами и быстро пошёл к рахдониту. Девушки испуганно переглянулись.

Тамира видела, как багровело лицо рахдонита, пока тот выслушивал эмоциональную речь толстяка, и почти не удивилась, когда они направились к ней. Однако, увидев бешеную ярость в глазах торговца и услышав ехидный смех богача, Тамира почувствовала, как её душа ушла в пятки. Понимая, что обратного пути нет, девушка высоко подняла голову и смело посмотрела на обоих. Рахдонита буквально затрясло от ярости. Схватив высокомерную рабыню за шею и злобно глядя ей в глаза, он прошипел:

– Я научу тебя покорности! Ты будешь как шёлковая! Я устрою тебе такое, что ты сама начнёшь молить о скорой смерти! А сейчас пошла вон отсюда! – оттолкнув Тамиру, словно это была последняя прокажённая, рахдонит позвал своего помощника: – Уведи её отсюда! И чтобы ни воды, ни еды ей не было. Головой отвечаешь.

Тот подошёл к Тамире и, буркнув что-то вроде «пошли!», буквально поволок девушку по рыночной площади, вызывая любопытные взгляды окружающих и пересуды за спиной.

² Рахдонит – странствующий еврейский купец. На протяжении всего Средневековья рахдониты контролировали торговлю между исламским Востоком и христианской Европой по Шёлковому пути и другим торговым маршрутам.

Оказавшись одна в тёмной камере на борту корабля, княжна наконец позволила себе расслабиться. Всё её тело трясло от пережитого, а сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди от страха перед будущим, тиски которого сжимались вокруг неё с неудержимой силой. Губы пересохли, безумно хотелось пить. Стремясь успокоиться, Тамира закрыла глаза и прислонилась спиной к холодной бревенчатой стене. Душа её, не ведавшая до сей поры боли разлуки, невольно затосковала по родным просторам, по людям, с которыми она выросла и которых любила. В одночасье её трогательная беззаботная жизнь прекратилась, и девушка оказалась один на один с суровой реальностью – без друзей, без поддержки, без ясного будущего. В который раз в памяти всплыли картины ужасной резни на праздник летнего солнцестояния, и слёзы защипали глаза. Тамира подумала об Агнушке и Веселинке: что с ними теперь – спаслись ли? От одиночества и тоски девушке захотелось поскорей умереть, и, не в силах больше сдерживать рвущуюся наружу боль, Тамира обняла трясущиеся колени и разрыдалась.

В таверне

– Василий, ты же знаешь, что, продолжая гнуть свою линию, ты наживаешь себе всё больше и больше врагов? Халиф не всемогущ и вряд ли пойдёт против устоев. – Приятной наружности молодой человек сидел с кружкой хмельного напитка за столиком одного из питейных заведений. Его собеседник сразу же приковал к себе взгляды прохожих. И не удивительно: атлетического телосложения смуглый красавец, пользующийся, очевидно, огромным успехом у женщин, невольно заставлял посетителей оборачиваться. Не обращая, однако, внимания на пристальные взгляды, будто не замечая их, Василий о чём-то сосредоточенно думал, и его тёмные глаза заволокла печаль.

– Я знаю, Селим. Однако не могу так просто предать веру своей матери. Это – всё, что мне от неё осталось. И ещё – память.

– Понимаю, но... – хотел было продолжить Селим, однако был отвлечён шумом, доносившимся со стороны входной двери. Все посетители с любопытством следили за происходящим.

В дверном проёме появился рослый мужчина, который буквально волок за собой девушку, казавшуюся крошечной по сравнению с ним. Подойдя поближе, он грубо швырнул её к одному из столиков, за которым сидела большая компания изрядно подвыпивших мужчин. Среди них Тамира узнала торговца-рахдонита и того самого богача, из-за которого разразился недавний скандал. Гордо подняв голову, княжна с презрением посмотрела на этих отвратительных людей, не понимая, чего от неё хотят и как себя вести дальше. Тем временем рахдонит, сидевший рядом с толстяком, пьяно пролепетал:

– Я же говорил, что мы обуздаем эту гордынку! Самое время преподать ей первый урок послушания своему будущему господину!

Покачиваясь на ослабших от выпитого алкоголя ногах, он поплёлся к уголку, где скромно сидели музыканты, и что-то сказал им. После чего подошёл к Тамире и во всеуслышание объявил:

– Посмотрите, какую красотку я привёз для нашего господина! А сейчас, в знак почёта и уважения, она исполнит для него танец!

От подобных слов Тамира вздрогнула, но даже не шелохнулась, когда зазвучала приятная восточная музыка. Ещё выше подняв голову, девушка с отвращением посмотрела в пьяные глаза рахдонита. Тот, побагровев от ярости, прошипел:

– Ну уж нет! Я заставлю тебя подчиниться, славянская шлюха!

Мгновенно протрезвев, рахдонит быстро вышел на улицу и уже через мгновение приволок в кабак плачущего мальчишку лет девяти. Вытащив нож и приставив его к горлу ребёнка, он с ненавистью произнёс:

– Его всё равно следует казнить за воровство, и поверь: я это сделаю прямо здесь, если ты немедленно не начнёшь танцевать!

Взглянув в полные слёз глаза ребёнка, девушка почувствовала, как её сердце сжимается от сострадания. С ужасом Тамира наблюдала, как замахивается рука рахдонита и пелена безумия застилает его глаза. Осознав, наконец, что происходит, девушка резко крикнула:

– Стой! – Рука рахдонита замерла на полпути. – Остановись! Твоя взяла. Отпусти ребёнка! Я буду танцевать.

Ярость в глазах не утихла, однако хватка торговца ослабла, и мальчик, выскочив из цепких рук, поспешно убежал и спрятался.

– Ну! Танцуй! Я жду. Иначе мальчонке несдобровать, ты меня знаешь, – сказал рахдонит, жестом приказывая музыкантам играть.

Зазвучала музыка, но девушка по-прежнему была не в состоянии пошевелиться. Понимая, что этим будет только раздражать пьяного торговца, она решила не рисковать. Улыбнувшись, Тамира прикрыла глаза. В этот момент ей показалось, что ужасное заведение исчезло и она вновь очутилась на просторах великой Руси, слушая пение ветра, подчиняясь ритму земли, увлекая за собой и растворяясь в музыке.

Когда же танец закончился, в зале повисла тишина, а лица всех присутствующих приобрели удивленно-потрясённое выражение. Не понимая, что происходит, Тамира растерянно посмотрела по сторонам. Внезапно тишина разразилась бурными овациями и криками восторга. Огонь вождения ещё больше разгорелся в глазах толстого богача, и он, подняв своё большое грузное тело, с возгласом «Моё!» направился к Тамире.

Потрясённая девушка, казалось, не отдавала себе отчёт в том, что происходит, но когда толстые руки богача потянулись к ней, словно очнувшись и резко отпрянула. Рахдонит, побавровев от злости, в одно мгновение оказался возле Тамилы.

– Ах ты, гордая сука! – сказал он, больно схватив её за волосы. – Я выбью из тебя эту гордыню!

За словами последовала пощёчина, заставившая Тамилу упасть на пол. Княжна ощутила, как силы покидают её. Голова кружилась от голода, щека болела от удара. Не находя в себе сил встать, девушка тяжело дышала, скрывая своё лицо в вихре роскошных тёмных волос. Однако, увидев перед собой пару сапог торговца, Тамилу собрала последние крохи сил и, подстёгиваемая остатками гордости, заставила себя подняться. В зале повисла напряжённая тишина. Все затаив дыхание наблюдали чарующую картину: грозный захватчик и очаровательная пленница, от слабости едва стоящая на ногах, но прямо и гордо вззирающая на своего обидчика.

– Последний раз спрашиваю тебя: ты подчинишься или нет?

Понимая, что её жизнь находится на грани, княжна молча посмотрела в глаза рахдониту. Все чувства, казалось, испарились. В голове звенело, а в душе царили пустота и отрешённость. Губы словно сами собой озвучили приговор, когда спокойно и чётко девушка произнесла:

– Никогда.

Торговец яростно заскрежетал зубами и занёс руку. Тамилу прикрыла глаза. Однако удара не последовало, и удивлённая девушка упёрлась взглядом в высокого мужчину, крепко держащего руку рахдонита. Словно играючи, без видимых усилий скрутив торговца, смуглый брюнет спокойно, но твёрдо произнёс:

– Я думаю, что лучше обойтись без скандалов и резни. Эта девушка тебе больше не принадлежит. Подобное сокровище достойно лишь гарема халифа, куда я её и забираю. Ты же получишь достойное вознаграждение. За деньгами придешь завтра. Где меня найти – сам знаешь.

Словно по волшебству, ярость рахдонита прошла, и торговец расплылся в подобострастной улыбке:

– Конечно, конечно. Всё лучшее только для халифа! – Но Василий не слушал его. Поддерживая Тамилу, он помогал ей идти к выходу. – Если нужны ещё рабы, то у меня в этот раз отличная партия. Я на рынке с правой стороны! – закричал рахдонит.

Селим, заплатив за угощения, поспешил вслед за другом.

Тем временем торговец, довольный удачной сделкой, раздражённо отмахивался от взбешённого толстяка, визгливым голосом требующего вернуть ему девушку или деньги. В конце концов, договорившись утром выбрать другую наложницу со значительной скидкой, компания продолжила своё заседание.

– Спасибо, – слабым голосом поблагодарила мужчину Тамилу.

– К сожалению, нравы современного общества далеки от совершенства и морали, а потому мне очень жаль, что вам пришлось столько всего пережить, – вежливо ответил тот.

Оказавшись в роскошном доме своего нового хозяина, Тамира растерянно посмотрела по сторонам. Заметив её смущение, Василий улыбнулся:

– Не бойтесь. Здесь вы в безопасности. Я – христианин, и это – мой дом. А вы – моя гостья.

Княжна несмело улыбнулась в ответ. Несмотря на очевидную доброжелательность хозяина, Тамира продолжала чувствовать себя неудобно. Внезапно перед ней возникла девушка, и, поклонившись, спросила, чем может помочь.

– Зарина, отведи мою гостью в покои, что наверху, и распорядись, чтобы она ни в чём не нуждалась.

Спальня была огромной, а кипенно-белое бельё пахло лавандой. Не в силах больше ни о чём думать, девушка мгновенно погрузилась в сон.

Проснувшись утром, Тамира услышала какой-то шум на первом этаже и осторожно вышла из комнаты. Голоса становились всё отчётливее, и девушка, прислушавшись, начала различать чёткую арабскую речь. Её вчерашний спаситель и его друг о чём-то беседовали.

– Аль-Васик покинул этот мир, а его брат не позволит тебе находиться в стране – ты это знаешь, Василий. У вас и раньше были, мягко говоря, натянутые отношения, а теперь, получив власть, он ни перед чем не остановится для того, чтобы устранить конкурентов, а тебя – особенно.

– По-моему, ты преувеличиваешь, Селим, – безжизненным голосом сказал Василий, потрясённый новостью о потере дорогого наставника и учителя.

Стремясь достучаться до сознания друга, Селим внимательно посмотрел ему в глаза.

– Послушай, я знаю, как много для тебя значил аль-Васик. Но сейчас твоя жизнь в опасности. До меня дошли сведения, что новый халиф пообещал убрать всех неверных из ближайшего окружения и, по возможности, из страны. А всех, кто окажет сопротивление, уничтожить.

– Для аль-Васика я был прежде всего человеком, а потом уже христианином. И я почитал Аллаха так же, как и Христа. Разве это мешало нам общаться и уважать друг друга? Ты уверен, что не ошибся в своих догадках и донесения верны?

– Абсолютно. А потому говорю: возвращаться в Самарру тебе нельзя. Зависть людская поистине безгранична.

– Но зависть не всегда является поводом творить ещё большее зло.

Селим подошёл к столу, плеснул в стакан воды и, сев в кресло, прикрыл глаза руками.

– Порой я удивляюсь твоей наивности и малодушию, Василий. Как можно быть таким слепцом?!

В комнате повисла звенящая тишина.

– В общем, у тебя ещё есть время подумать. И помни: в любом случае ты можешь на меня рассчитывать. – Селим подошёл к другу, похлопал его по плечу и удалился.

Василий тяжело вздохнул и обхватил голову руками.

Тамира, став невольным свидетелем столь личного разговора, не хотела выдавать своего присутствия. Решив, однако, что прошло достаточно времени, она как ни в чём не бывало спустилась в гостиную. Василий по-прежнему сидел в кресле и о чём-то напряженно думал.

Девушка тихо подошла к нему и осторожно поинтересовалась:

– Что-то случилось?

– Ничего. Вам хорошо спалось?

– Да, спасибо, – улыбнулась Тамира. – Впервые за долгое время.

– Я очень рад этому, – последовал ответ, однако в голосе радости не было.

Осознавая, что молодой человек расстроен, Тамира захотела помочь ему и хоть как-то отблагодарить за своё спасение. Понимая, что подобное поведение может показаться дерзостью, девушка всё же решилась:

– Если честно, у меня к вам есть просьба, – Тамира немного замялась. – Дело в том, что я уже больше недели не была на свежем воздухе. Меня держали связанной в трюме корабля. Не могли бы вы, – смущённо продолжила княжна, – прогуляться со мной? Я понимаю, что меньше всего имею право о чём-либо вас просить, но тем не менее я прошу вас.

Василий поднял глаза и, увидев в её взгляде сострадание и мольбу, не смог устоять.

– Ну хорошо. Мы можем прогуляться. Только недолго.

– Как скажете, – радостно и покорно ответила девушка.

Василий и Тамира молча шли вдоль аллеи.

– Вы знаете, когда мне бывает грустно, я иду к воде. Здесь есть где-нибудь река или ручей?

– Ну, реку или ручей не обещаю, но водоём имеется, – немного улыбнувшись, сказал Василий.

– Мы можем туда сходить?

– Конечно.

– Никогда не думала, что увижу страны, о которых так много читала! Поистине, непредсказуемы тропы судьбы. – Мягкий голос Тамиры успокаивал Василия, наполняя его душу так необходимым покоем.

Поддавшись очарованию девушки, он решил продолжить беседу:

– Вы любите читать?

– Очень! Некоторые книги я могу читать по нескольку раз.

– И какая ваша любимая?

Тамира посчитала, что несколько необдуманно будет рассказывать незнакомцу правду, а потому решила на весьма обтекаемый ответ.

– Разные! Люблю греческую философию... и арабские танцы.

– Но вы не похожи на арабскую женщину – откуда же вы умеете так танцевать? Признаться, я видел много замечательных танцовщиц, но ваш танец меня поразил как никакой другой!

– Понимаете, в том месте, где я жила, было много торговцев из разных стран. С одним из них я подружилась, и он меня познакомил со своей культурой и обучил языку. Я была ему как дочь.

– Он был араб?

– Да. Его звали Ахмед.

– А тебя как зовут?

– Тамира.

– Тамира... красивое имя. Как и вы, – улыбнулся Василий.

– Спасибо!

Тем временем внимание Тамиры привлёк огромный синий водоём, в котором отражался рассвет. Не в силах сдержать восторга, девушка, смеясь, побежала к воде.

Василий заворожённо посмотрел на открывшуюся ему красоту. Странное ощущение охватило молодого человека. Он столько раз бывал здесь, порой подолгу засиживался, глядя на водную гладь и размышляя о жизни, но сейчас никак не мог отделаться от чувства, что в этом месте он впервые. Тем временем Тамира не спеша зашла в воду, раскрывая руки навстречу солнцу и подставляя лицо ветру.

Зачарованный, Василий медленно подошёл к девушке.

– Здесь очень красиво! – восторженно произнесла Тамира. – У меня на родине говорят, что вода уносит печаль, а солнце наполняет жизнью. Не верите? – лукаво улыбаясь, поинтересовалась девушка.

– А разве есть возможность проверить? – в том же духе ответил Василий.

– Наперегонки, вон до того дерева! – Тамира указала цель.

– А если выиграю я? – спросил Василий.

– Хорошо, что вы хотите в случае выигрыша? – добродушно засмеявшись, спросила девушка.

– Ну, вы для меня станцуете.

– Договорились. Тогда, в случае если выиграю я, вы меня отпустите. – Ослепительная улыбка и честный прямой взгляд обезоруживали.

– Хорошо, – поддавшись обаянию, ответил Василий, но почему-то ощутил грусть в душе.

Однако времени подумать об этом не оставалось, поскольку его озорная спутница, смеясь, бросилась в воду навстречу заветной цели, составляя довольно ощутимую конкуренцию своему куда более внушительному и сильному сопернику.

Добравшись наконец до назначенной цели, Тамира с ужасом увидела Василия, поджидающего её на месте с довольной ухмылкой на губах. Произнесла что-то вроде негодования, она с силой ударила по воде.

– Не могу в это поверить! – бушевала девушка, умудряясь при этом выглядеть настолько милой и забавной, что Василий невольно рассмеялся. Не в силах устоять перед искушением подлить масла в огонь, он подплыл поближе и с победным чувством произнёс:

– С вас танец! – И, довольный, поплыл к берегу, слыша за спиной очередной удар по воде и взрыв весёлого смеха.

– Где вы научились так плавать? – не без восхищения произнёс Василий, когда они сидели на берегу и грелись у костра. Утренняя прохлада давала о себе знать.

– Вы смеётесь надо мной?! – мило улыбнувшись, спросила Тамира. – Сами плыли в два раза быстрее, расправились со мной, как с пятилетним ребёнком, а теперь интересуетесь, где я научилась так плавать!

– Не уменьшайте свои достоинства, Тамира! Вы – девушка, причём хрупкая, я же вдвое больше вас. Поэтому в моей победе нет ничего удивительного, а тем более достойного восхищения. Что же касается вас, то я ни разу не видел, чтобы женщина плавала так, будто родилась и выросла в воде. Вы – первая!

Простота и такт Василия поразили Тамиру, и, заглянув ему прямо в глаза, девушка произнесла:

– Спасибо.

Василий, поистине наслаждаясь происходящим, весело взглянул на Тамиру и спросил:

– Так, где мой трофей? Где мой танец?

Девушка улыбнулась:

– Ну, хорошо.

Княжна провела рукой по земле, словно общаясь с ней, потом обратила свой взор к солнцу и начала танец, который живёт в каждом человеке, в каждой женщине и, соединяясь с первозданной чистотой природы, стирает границы, лечит, исцеляет, открывает все грани мироздания. Этот танец нельзя как-то назвать или классифицировать, ибо это – танец первозданной чистоты, танец самой жизни. Тонкий, невинный и мудрый одновременно.

– Откуда это в вас? – спросил Василий. – Я ничего подобного в жизни не видел!

– Не знаю, – беспечно ответила Тамира, а взор её устремился в утреннее небо. – Вы же хотели танец – я проиграла, а потому вернула вам долг, – улыбнулась девушка.

Василий потрясённо молчал, глядя на Тамиру, а в душе его рождалось что-то новое, что-то вечное.

– Я... – начал было он, но Тамира жестом остановила его.

– Не нужно слов. Просто послушайте тишину. Она исцеляет.

– Так тоже у вас на родине говорят? – улыбнулся Василий.

– Верно, – улыбнувшись в ответ, сказала Тамира.

Василий смотрел, как встаёт на горизонте солнце, и впервые за долгие годы ощутил безмятежную радость. Незаметно наблюдая за молодым человеком, Тамира улыбнулась. Ему явно стало легче после утреннего разговора с другом, и от осознания этого по сердцу девушки разлилось тепло. В тот момент ей показалось, что она уже давно знает этого мужчину и что они – хорошие друзья. Тамира ощутила, как невольная дрожь пробежала по её телу. Заметив, что девушке холодно, Василий предложил подбросить поленьев в костёр, но княжна отказалась. Молодые люди продолжили молча любоваться рассветом, и в душе каждого в тот момент царили покой и радость. А ещё – что-то новое, не вполне осознанное, а потому пугающее.

Василий, всё ещё потрясённый пережитым этим утром, стоял возле окна, когда Тамира, переодевшись, спустилась вниз.

– Я приказал подготовить для вас наряд и рад, что он пришёлся вам впору, – с улыбкой глядя на девушку, сказал молодой человек.

Тамира, обнаружив у себя в комнате чудесное светлое платье в восточном стиле, была одновременно восхищена ювелирной работой и благодарна за заботу о своей персоне. Девушка улыбнулась. С детства она предпочитала простые вещи, из-за чего не раз вступала в споры со жрецом, приставленным следить за ней и воспитывать будущую княгиню. Тем не менее, не желая казаться неблагодарной, Тамира надела платье. И вот сейчас, стоя перед своим освободителем, она почему-то ощутила странную неловкость.

– Вы прекрасно выглядите, Тамира! Надеюсь, вы не откажетесь позавтракать со мной? – улыбнулся Василий.

– Благодарю!

– Итак, – молодой человек внимательно посмотрел на сидящую напротив девушку. – Я предполагаю, что вас интересует ваша дальнейшая судьба, верно?

– А разве это не естественно в моём положении? – растерянно улыбнулась Тамира.

Василий, всё время после прогулки размышлявший о тех эмоциях, которые вызывала у него эта девушка, и благоразумно решивший не допускать сближения больше, чем этого требуют элементарные правила приличия, против собственной воли вновь почувствовал, что само присутствие Тамиры наполняет его душу покоем и радостью.

– Мне помнится, что сегодня утром вы просили освободить вас?

– Не помню, чтобы я просила об этом.

– Ну как же? Если бы вы сегодня выиграли, мне пришлось бы вас отпустить.

Тамира вздохнула и улыбнулась. Однако улыбка её была грустной.

– Я вас об этом не просила. Точнее, это не было просьбой. Это было состязание.

– А в чём разница?

– Просьба – это своего рода унижение, которое делает одного человека моральным должником другого. Состязание таких чувств во мне не вызывает. Но стоит ли сейчас об этом?! Я проиграла. Вы выиграли. А потому моя судьба в ваших руках.

Потрясённый, Василий молча смотрел на Тамиру.

– Скажите, Тамира: в вашей стране не считается, что подобные заявления есть не что иное, как проявление гордыни и высокомерия? – после продолжительной паузы спросил молодой человек.

– А что в этом высокомерного?

– Сила заключается не в том, чтобы отрицать свои слабости, а в том, чтобы уметь их признавать. Поверьте: для этого требуется куда больше мужества. И в этом куда больше достоинства, чем в попытках строить из себя гордячку. – С этими словам Василий поднялся из-за стола. – Завтрак окончен. Возвращайтесь к себе в комнату и ждите моего решения.

Тамира опешила от такой разительной перемены в настроении Василия. Не понимая, чем вызвала такой гнев, девушка растерянно смотрела вслед быстро удаляющейся атлетической фигуре молодого человека. Тамира хотела было догнать его и потребовать объяснений, однако ноги её стали ватными, а слова так и остались несказанными.

Понимая, что нужно как-то собраться с мыслями, она решила послушаться Василия и подняться к себе в комнату, надеясь, что после удастся поговорить и выяснить, в чём дело. Уверенность, что вышло недоразумение и что всё наладится, придала девушке сил, и уже почти радостной походкой она поспешила к себе в комнату. Однако день уже клонился к вечеру, а Василий так и не появился. Неизвестность стала почти невыносимой, но Тамира приказывала себе терпеливо ждать. Наконец, в дверь постучали. Колоссальным усилием воли преодолев желание ринуться навстречу, княжна заставила себя медленно подойти и открыть дверь. На пороге был Селим.

– Разрешите войти? – поинтересовался он.

– Да, конечно, – растерянно произнесла Тамира.

– Вот. Это вам. – С этими словами Селим достал из кармана мешочек с деньгами.

– Зачем?

– Вы свободны.

– Как это? А где господин Василий? Почему он сам не пришёл?

– Повторяю: вы свободны. И желательно, чтобы завтра вас уже здесь не было. – Положив мешок с деньгами на стол, Селим поспешил удалиться, однако Тамира преградила ему путь.

– Я никуда не пойду, пока господин Василий сам меня не отпустит.

– Послушайте меня, девушка. Василий не желает вас видеть. Он просил передать, чтобы вы как можно быстрее покинули его дом и больше не смели попадаться ему на глаза. – Жестокое слова болью отражались в каждой клеточке тела, и Тамира гордо подняла голову.

– Это всё, что он просил передать?

– Нет. Просил также сообщить, что вы можете считать, что выиграли свое состязание и что он вас отпускает. Да... платье тоже можете оставить себе, – уходя, добавил Селим.

Тамира догнала его уже в коридоре.

– Подождите, – схватив за рукав молодого человека, сказала княжна. – Раз уж мы общаемся через вас, то позвольте мне тоже кое-что передать вашему другу. Скажите ему, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не смел приближаться ко мне! Никогда! – Голос Тамиры звенел от обиды, а в глазах стояли слёзы.

– Это всё?

– Всё! Прощайте.

Вернувшись в комнату и затворив дверь, девушка позволила себе расслабиться. От несправедливости и обиды она задрожала всем телом и, обхватив плечи руками, подошла к окну. В небе красовался закат. Той ночью Тамира так и не сомкнула глаз, размышляя о том, как ей жить и что делать дальше, а ранним утром, облачившись в свою вычищенную одежду, покинула дворец, в котором познала как радость, так и боль.

Василий тоже не мог заснуть в гостевой комнате Селима и, едва рассвело, отправился к себе. Медленно открыв дверь в комнату Тамиры, он увидел платье, в котором недавно красовалась девушка. А на столе лежал нетронутый кошелек с деньгами. «Упрямая гордычка!» – пронеслось в голове молодого человека.

Селим застал друга в гостевой комнате. Тот сидел в кресле, держа в руках кошелек.

– Ты мне можешь объяснить, что с тобой произошло? Это на тебя вообще не похоже! – поинтересовался Селим.

– Да я и сам не понимаю. Я её спас от того ненормального рахдонита и планировал отпустить на родину. Но вчера во время завтрака она объявила, что считает любого рода просьбы

унижением и что она, видите ли, умеет требовать, а не просить. Я почувствовал себя униженным, а потому решил попросить тебя о помощи.

– Да... Это и в самом деле на тебя не похоже. Чтобы ты поддавался эмоциям и позволял им определять твоё поведение!.. Видимо, эта девушка чем-то зацепила тебя...

– Я и сам от себя подобного не ожидал. Будь на её месте кто-нибудь другой, я бы и думать о подобных мелочах не стал. Но она будто затуманивает мне разум. Наваждение какое-то... А потому будет лучше, если наши пути больше не пересекутся.

– Да, друг... В таком случае ты можешь об этом не беспокоиться. Даже если ваши пути и пересекутся (что, конечно, маловероятно), эта девушка больше не будет тебя беспокоить.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что она просила передать, чтобы ты не смел к ней приближаться. Признаться, ты её очень обидел. Но... видимо, ты этого и добивался.

От подобных слов Василий напрягся:

– Да, так будет лучше, – убеждал он самого себя.

Селим ушёл, а Василий остался стоять у окна, глядя на кипящую жизнь города и размышляя о будущем. Внезапно он решился.

– Ты свободна, Тамира. Свободна. И я тоже, – сказал молодой человек, после чего приказал оседлать коня.

– Селим давно уехал? – спросил он конюха.

– Нет, господин.

– Отлично! Тогда я успею его догнать. – И галопом умчался из дворца.

После долгих безуспешных попыток Тамира нашла наконец торговую площадь и, прикрывая лицо воротом плаща, ходила от одной лавки к другой, пытаясь собраться с мыслями и решить, что делать дальше. Неожиданно в толпе арабов она разглядела знакомого человека. Девушка поспешила было туда, однако её путь преградил здоровенный торговец, волочивший за собой плачущего ребёнка.

– Помогите! – кричал мальчишка лет девяти, в котором Тамира узнала того самого воришку, которого уже однажды ей удалось спасти.

Не обращая внимания на вопли ребёнка, громила продолжал тащить его за собой. Тамира решила последовать за ними. Дойдя до своей лавки, торговец принялся сматывать плачущему мальчугану руки.

– Простите, что он вам сделал? – спросила Тамира, подойдя к ним.

– Что он сделал?! – прорычал громила. – Да он только и занимается тем, что ворует всё, что попадает под руку! Но ничего, я из него навсегда выбью охоту к этому ремеслу! – со злостью прошипел торговец и с ещё бóльшим усилием принялся сматывать ребёнку руки.

– Что вы собираетесь с ним сделать?

Торговец вплотную подошёл к Тамуре.

– А ты кто такая? И с чего тебя так интересует судьба этого негодяя?

Растерявшись на мгновение, Тамира стыдливо отвела глаза. Понимая, что к нормальным человеческим чувствам в данном случае взывать бесполезно, девушка решила прибегнуть к хитрости.

– У этого воришки есть должок, и я очень хочу, чтобы он его оплатил. Я надеюсь, вы не откажете скромной девушке? – сверкнув глазками, мило поинтересовалась Тамира.

Вульгарно засмеявшись, торговец оглядел окутанную в плащ точёную фигурку с головы до ног.

– Как я смею отказать? Он обязательно за всё ответит!

Тамира капризно поджала губки:

– Но я хочу сама его наказать.

– Это исключено. Сначала он отработает свой долг мне.

Тамира мгновение поколебалась, а потом решительно сняла с руки золотой браслет, некогда подаренный ей братом. Это была единственная вещь, которую девушке удалось спрятать от хазар.

– Надеюсь, это как-то смягчит ваш приговор? – тихо произнесла Тамира, протягивая дорогое украшение торговцу.

Тот взял браслет и, покрутив его в руках, радостно присвистнул. С трудом борясь с отвращением, Тамира продолжала мило улыбаться.

– Ваши глаза и щедрость способны растопить даже самое жестокое сердце, – промямлил громила, вызвав ещё большее отвращение Тамиры. – Он ваш, – сказал торговец, больно толкнув мальчишку в спину.

Молча взяв ребёнка под локоть, Тамира потащила его прочь от ненавистой лавки. Оказавшись на безопасном расстоянии, девушка посмотрела ему в глаза и жёстким тоном сказала:

– Разве жизнь тебя ничему не учит? Что ещё должно произойти, чтобы до тебя наконец дошло, что воровать – это плохо?

– Я знаю, что плохо.

– Раз знаешь – делай выводы. Следующего шанса у тебя может уже и не быть. – Гневно сверкнув глазами, Тамира пошла прочь.

– Не бросайте меня, пожалуйста! Если вы меня бросите, я пропаду! – умоляющим тоном просил мальчик, едва поспевая за княжной. Девушка остановилась:

– Это исключено. Как я могу взять тебя с собой, если сама не знаю, где буду завтра?

– Ну пожалуйста! Я больше так не могу! Если я вернусь, меня снова заставят воровать.

А если откажусь, они будут бить меня палками, – сказав это, мальчишка расплакался.

Сердце Тамиры сжалось. Опасливо оглядываясь по сторонам, она нервно обняла ребёнка.

– Ну хорошо. Ты пойдёшь со мной. Однако ты должен мне кое-что пообещать.

– Всё что угодно.

– Больше никакого воровства, тебя понятно?

– Обещаю.

– Ну, тогда пошли, – уже весело сказала девушка.

– Тамира?! Что ты здесь делаешь? – удивлённо спросил Ахмед, увидев княжну.

– Я и сама не знаю, – ответила девушка, после чего вкратце рассказала другу обо всём, что случилось.

– Да... кто бы мог подумать! Зато теперь я знаю, кто та знаменитая славянская особа, из-за которой разразился недавний скандал!

Тамира грустно улыбнулась.

– Скажите, Ахмед: как я могу вернуться домой?

Торговец задумался, почёсывая бороду.

– Я сейчас отправляюсь за товаром в Египет, поэтому взять тебя с собой не могу. Здесь тебе тоже небезопасно находиться.

От этих слов княжна ещё больше погрустнела.

– Хотя есть у меня одна идея, – радостно сообщил Ахмед. – Я посажу тебя на корабль, идущий в Константинополь. Команда там что надо, да и судно одно из самых быстроходных. В Константинополе ты поживёшь у моей приятельницы, а в конце лета я планирую посетить Византию и отвезу тебя с товаром к берегам твоей Руси. Тогда и заберу тебя с собой, – широко

улыбаясь, сказал Ахмед. – Ну, моя дорогая русская амазонка, как тебе перспектива провести лето в самом красивом городе на земле?

– Спасибо! – радостно улыбнулась Тамира.

Ахмед был прав. Когда спустя несколько дней девушка зашла на корабль, команда отнеслась к ней как к почётной гостье. Ей даже разрешили взять с собой Мухаммеда. Довольный мальчишка с восторгом первооткрывателя крутился среди моряков и уже заявил, что хочет когда-нибудь научиться управлять судном. Радостно подбежав к Тамуре, он указал пальцем на горизонт:

– Смотрите, госпожа!

Девушка взволнованно посмотрела на небо. Увидев радугу, Тамира невольно засмеялась – сначала нервно, а потом свободно и радостно: прыжок доверия совершён.

Константинополь

Глядя на бесконечный морской простор, уходящий далеко вглубь горизонта, Тамира с удивлением обнаружила, что за время путешествия начала воспринимать водный мир как новую вселенную. Ещё с раннего детства девушка испытывала необъяснимое влечение к воде, однако даже и представить не могла, насколько мощным и поистине неизведанно прекрасным чудом является водное пространство. И сейчас, глядя на бескрайнюю морскую гладь, Тамира пришла к неожиданному для себя выводу, что, по сути, вода вполне может главенствовать над сушей. Однако в мощи и силе этой грозной стихии проявляется её же милосердие.

Так, в размышлениях, вечерних беседах с командой корабля, уже ставшей для неё семьёй, незаметно пролетали часы, дни, недели, пока, наконец, взору девушки не предстал удивительной красоты город, окружённый огромной стеной. Юная княжна, потрясённая увиденным, крепко ухватила за борт корабля, чувствуя, как неизвестность с новой силой сковывает всё тело.

– Это – красавец Константинополь, Тамира, – подошёл к девушке навклир³. – Правда, впечатляет? – не без гордости спросил моряк, с восторгом глядя на приближающийся город.

– Более чем, – не могла не согласиться Тамира.

Видя, что девушка смущена и напугана, навклир попытался её успокоить.

– Вам не о чем так беспокоиться, Тамира. Поверьте: Константинополь – христианский город, и люди в нём очень доброжелательные. Вы и глазом моргнуть не успеете, как окажетесь полностью очарованы этим чудом света! – Оптимизм моряка невольно передался Тамире, и она благодарно улыбнулась.

Ахмед, её арабский друг, так же как и навклир Ингер, часто с теплом отзывался о чудо-городе. Однако сведения, которые девушка имела о христианстве, заставляли её невольно напрягаться. Княжна вспомнила о том, как жестоко навязывалась эта религия, сколько невинных душ было загублено лишь потому, что те пожелали остаться верными своим богам. Тамира не понимала, как любовь, так красиво воспеваемая в христианской религии, могла позволять и оправдывать такую чудовищную жестокость! Перед мысленным взором девушки проплывали образы героев из прочитанных ею книг, а будущее тем временем всё стремительнее обретало реальные черты приближающихся стен загадочного Царьграда.

Мухаммед, который ещё во время плавания решил остаться на корабле, уговорив навклира взять его с собой в следующий рейс, тепло попрощался с Тамирой и пообещал, что когда-нибудь обязательно станет навклиром и назовёт свой корабль её именем. Тем временем Антип, помощник навклира Ингера, вызвался проводить девушку до указанного в письме адреса – и уже вскоре Тамира шла по вымощенной дороге, не переставая восхищаться увиденным. Вопреки всем опасениям девушки реальность оказалась куда более радужной, нежели грезилась в мучительных ожиданиях будущего. Город действительно был пленительно красив – настолько, что Тамира отказывалась даже предполагать, что подобное чудо может нести в себе средоточие грязи и пороков. Так, поддавшись очарованию Константинополя и любясь великолепием его зданий, девушка следовала за помощником навклира, мило улыбаясь редким прохожим, ещё не успевшим заполнить улицы. Антип же с присущей ему невозмутимостью, казалось, был полностью вне чар этого чудесного цареградского утра. Однако Тамира знала, что под внешней невозмутимостью скрываются тонкая душа и по-детски невинная доброта, которая тем не менее в случае необходимости может обернуться безжалостной силой, подкрепляемой почти патологически развитым чувством справедливости. И всё же в этот час Тамира была

³ Навклир – собственник корабля в Византии.

благодарна высшим силам за то, что у неё есть надёжный сопровождающий, рядом с которым девушка чувствовала себя в безопасности.

Тем временем Антип, посмотрев по сторонам, завернул в ближайший переулок и вскоре оказался возле большого красивого дома. Сердце Тамиры бешено колотилось, и она ещё крепче сжала письмо, вручённое ей Ахмедом. Вскоре дверь отворилась, и на пороге возникла милостивая девушка, которая, скромно и доброжелательно поздоровавшись, поинтересовалась, чем может помочь. Тамира, улыбнувшись в ответ, протянула ей письмо:

– Вот, если можно, передайте его госпоже Каллисте.

– Одну минуточку, – ответила девушка, закрыв за собой дверь.

Тамира, взглянув на Антипа, постаралась взять себя в руки. И когда дверь отворилась вновь, в душе девушки царил покой. В этот раз на пороге появилась женщина средних лет очень приятной наружности. В её руках было письмо Ахмеда.

– Вы Тамира? – с улыбкой спросила та.

– Да, – улыбнулась в ответ девушка.

– Я Каллиста, хозяйка этого дома. Ахмед с большим почтением отзывался о вас, и я буду очень рада, если вы окажете честь погостить у нас, – со скромным достоинством сказала женщина, отчего на сердце у Тамиры стало тепло и хорошо.

Как гостеприимная хозяйка, Каллиста пригласила гостей на завтрак. Антип отказался, но от души поблагодарил женщину за гостеприимство. Вежливо попрощавшись с Тамирой, он поспешил на корабль. Глядя вслед удаляющемуся немногословному другу, девушка вдруг вспомнила, как тот жаловался, что после стольких лет, проведённых на море, очень неудобно чувствует себя на суше. Улыбнувшись Каллисте, Тамира скромно вошла в дом, понимая, что за дверью её ожидает не только новая семья, но и новая жизнь.

Тимофей Иванович прервал свой рассказ, поскольку бабушке потребовалась его помощь. Было уже далеко за полночь, но никто из присутствующих даже не думал идти спать. Поддавшись на уговоры продолжить рассказ, дедушка вновь разлил по кружкам ароматный чай с травами и, сделав глоток, внимательно посмотрел на каждого, после чего сказал:

– Вот вы сейчас сидите все вместе за столом, мальчики и девочки. Каждый из вас получает одинаковое образование, по всему миру идут разговоры о равенстве полов, женщины из всех сил стремятся доказать всем и вся, что они могут обойтись и без мужчин, детей воспитывают так, будто они – центр вселенной. Однако в те времена, о которых я вам рассказываю, всё обстояло иначе. Заброшенная судьбою в далёкий город роскоши и храмов, Тамира оказалась гостьей в одной из традиционных семей той эпохи...

Утром, как обычно, за завтраком собралась вся семья, состоящая из Каллисты, её мужа Анатолия, человека приятной наружности, добродушного и немногословного, и двоих детей – дочери Анастасии и сына Матвея.

– Матушка, можно мне пойти за ягодами вместе с девочками? – спросила Анастасия после того, как закончилась трапеза.

– Конечно, доченька. Только помни об осторожности, когда будешь в лесу, – мягко ответила женщина, с любовью глядя на своё дитя.

– Хорошо, матушка. Я помню, чему меня учили. Не переживайте.

Каллиста, ласково погладив дочь по голове и благословив, перекрестила её.

– Матушка, а можно мне тоже отправиться с сестрой? – спросил Матвей.

Однако Каллиста, мгновенно посуровев, сказала:

– Нет, сынок. Это исключено. Ты ещё не выучил урок, а поэтому даже не смей думать о подобном.

Тамира, став невольным свидетелем беседы матери с детьми, слегка растерялась от столь разительного контраста в отношении Каллисты к сыну и дочери: насколько любимой казалась девочка и насколько нелюбимым был сын.

А вечером, после того, как Анастасия вернулась, Каллиста разрешила ей послушать сказку отца о приключениях доблестных героев, которую он обычно рассказывал дочери перед сном. Матвею же мать приготовила в качестве ночной сказки нечто иное: поведав сыну историю о том, как Исаак, во всём послушный отцовской воле, с готовностью отправился на заклятие, но был чудесным образом спасён самим Богом, Каллиста отправила ребенка спать.

В ту ночь Тамира захотела испить воды и, тихонечко выйдя из своей комнаты, направилась в сторону столовой. Неожиданно девушка услышала всхлипы, доносившиеся из спальни Матвея. Осторожно открыв дверь, Тамира замерла от удивления: возле постели сына сидела Каллиста и лила горькие слёзы.

Обернувшись, женщина встретилась глазами с Тамирой. Почувствовав неловкость, княжна поспешила ретироваться и отправилась в столовую. Вскоре туда пожаловала и Каллиста:

– Ты, наверное, думаешь, что я – самая странная и жестокая мать? – спросила она.

– Что вы, госпожа Каллиста! Напротив. Я вижу, как сильно вы любите своих детей, – мягко ответила Тамира, по-прежнему чувствуя себя неловко из-за того, что увидела.

– Да, но я подозреваю, что тебе непонятно то, как я могу так жестоко и требовательно относиться к сыну, когда он бодрствует, и так ласково, пока он спит.

– Вы правы, – опустив глаза, была вынуждена согласиться Тамира.

– Я понимаю, – ответила Каллиста. – Но как ещё я могу вырастить из мальчика мужчину, способного не просто жить в современном мире, но и нести ответственность за себя и свою семью?! – Голос Каллисты звенел от подступивших слёз. Боясь расплакаться, женщина налила себе воды и, сделав пару глотков, сказала: – Я настолько сильно люблю сына, что не могу позволить себе сломать ему жизнь. Вот и плачу по ночам, когда смотрю, как мой мальчик спит.

– Каллиста. – Тамира посмотрела на женщину внезапно увлажнившимися глазами. – Вы, возможно, не поверите тому, что я скажу, однако я вас очень хорошо понимаю. В моей стране всё наследство родители оставляют дочерям, передавая сыну лишь меч. У нас считается, что мужчина может состояться только тогда, когда сам сможет добывать себе право на существование, – ласково улыбнувшись, сказала Тамира.

– Спасибо, – растрогавшись, произнесла Каллиста, – спасибо за то, что понимаешь меня...

Таинственный странник

А в это время на вид довольно представительный, могучего телосложения, загорелый молодой человек в потёртой одежде, более напоминающей лохмотья, вошёл в Константинополь через Золотые ворота. Усталый, весь в пыли, путник присел у входа в ближайшую церковь. Отхлебнув воды из фляги, мужчина прислонился головой к прохладной стене и молча посмотрел на звёзды, щедро рассыпанные Творцом по ночному небосводу. Ему вспомнилось детство, вспомнилась мать, которая рассказывала сказки о чудесном граде Христовом, о его многочисленных монастырях, соборах и дворцах. Сейчас сказки стали реальностью. Однако вместе с ней исчезло волшебство, так бережно и прочно хранимое в детском сердце. И тем не менее этот город – единственное, что связывало его с настоящей матерью, и Василий надеялся, что здесь сможет, наконец, понять, кто он, и обрести покой. Достав из кармана нательный крестик, юноша с трепетом провёл рукой по распятию, мысленно прося помощи и наставления у матери, у Аллаха, в почитании которого вырос, и у Того, чья жизнь и смерть подарили миру спасение. В душе Василий верил, что Бог, независимо от того, как Его назвать, слышит сердце и искреннюю просьбу. Так, плавая по волнам воспоминаний, молодой человек не заметил, как погрузился в сон. Неожиданно ему показалось, что кто-то зовёт его по имени. Открыв глаза, Василий с удивлением обнаружил пожилого монаха.

– Тебя зовут Василий, путник? – спросил тот.

– Василий, – ответил юноша.

– Пойдём со мной, Василий.

– Куда, отче?

– Пойдём, пойдём. Не бойся. Негоже уставшему путнику спать на земле. – Монах повёл удивлённого Василия в монастырь, где выделил ему келью, и, пожелав доброй ночи, удалился.

«Воистину город чудес!» – подумал Василий, погружаясь в сон.

Проснувшись рано утром, молодой человек не спеша вышел из кельи. Пройдя по слабоосвещённому коридору, он увидел в его глубине мерцающий свет. Последовав в направлении источника света, Василий очутился в небольшом храме. Возле иконостаса заметил маленькую сгорбленную фигурку. Стоя на коленях, монах, казалось, был полностью погружён в свои мысли и не замечал стоящего в проходе высокого человека. Не желая беспокоить и отвлекать молящегося, Василий хотел было удалиться, но монах, по-прежнему не поднимая головы, негромко окликнул его. В очередной раз молодой человек искренне поразился происходящему. Словно во сне, на внезапно подкосившихся ногах он тихо подошёл к монаху и, повинаясь какому-то внутреннему импульсу, опустился на колени рядом с ним. Простояв так довольно долго, монах, наконец, поднял голову и перекрестился. После чего поднялся на ноги – и Василий увидел удивительную метаморфозу. Сгорбленная немощная фигурка старца исчезла. Словно поддерживаемый неведомой силой, перед молодым человеком стоял, казалось, сам Бог. Ну, или кто-то, кто был очень близок к Нему. Потрясённый, юноша, сложил руки в молитвенном жесте. Старец молча улыбнулся и, приглашая Василия подняться, подал ему руку. Рука у монаха оказалась необычно тёплой и живой, и осознание этого вернуло юношу в реальность. Поднявшись с колен, он улыбнулся в ответ.

– Утро сегодня прекрасное. Не желаешь прогуляться, Василий? – спросил монах.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – молодой человек наконец решился задать вопрос, мучивший его со вчерашнего дня.

– Знаю...

Василий молча шёл рядом с монахом, погружившись в собственные думы и отказываясь что-либо понимать. Его прибытие в Константинополь явно отличалось от того, каким он его себе представлял.

Однако старец не переставал удивлять своего спутника:

– Ты уверен, что хочешь знать правду? – спросил он.

Молодой человек, остановившись, посмотрел старцу в глаза:

– Я так давно живу во лжи, что уже давно потерял надежду найти хоть какую-нибудь правду. И тем не менее что-то заставляет меня постоянно её искать.

– Правда иногда ближе, чем кажется. Однако люди не видят её, потому что не готовы или попросту не хотят её принять. Но бывает правда, которая грузом ложится на плечи, и не каждый способен её нести. – Старец внимательно посмотрел на Василия. – Я скажу тебе, откуда знаю твоё имя. Но ты мне должен кое-что пообещать.

Василий остановился. Заглянув в душу молодого человека, монах положил руку ему на плечо:

– Пообещай мне, что ни один человек об этом не узнает.

– Обещаю, – кивнул Василий.

Подойдя к небольшой скамейке, старец со вздохом сел. Взор его был обращён в небо:

– В первую стражу сей ночи явился ко мне мученик Божий Диомид и во сне приказал мне идти к воротам и позвать Василия по имени. Если кто откликнется, сказал он, привести в монастырь и позаботиться о нём, ибо помазан тот Богом на царство. Поначалу я счёл увиденное пустым воображением, но когда видение повторилось вновь, решил проверить. Так ты очутился в сей обители.

Молодой человек растерянно посмотрел на монаха, чьи слова вызвали смуту в его душе:

– Я не знаю, что вам ответить. Я мало что понимаю, – признался молодой человек.

– Правда иногда бывает выше всякого разумения, – ласково сказал старец. – Но всё в руках Божьих. В своё время придёт понимание, что к чему. А пока пусть всё будет, как будет.

Василий, тряхнув головой, твёрдо решил придерживаться первоначального плана и попытаться забыть о необычном сне монаха.

– Отче, – произнёс молодой человек, – я искренне благодарен вам за заботу и гостеприимство. Однако ваши слова породили смуту в моей душе. Я пока не готов анализировать сказанное и тем более делать какие-то выводы. А потому очень прошу вас: выполните мою просьбу. Отдайте меня в услужение какому-нибудь видному человеку.

– Думаю, этот вопрос более решаемый, нежели предыдущий, – с весёлыми искорками в глазах произнёс монах. – Я помогу тебе, – и, уже глядя на небеса отчего-то увлажнившимися глазами, добавил: – Да будет Воля Божия.

В тот же день Василий, помогая монахам по хозяйству, с удивлением заметил, как в ворота монастыря вошла весьма забавная и любопытная компания. Рослые, словно на подбор, парни в богатых одеждах казались ещё более нелепыми на фоне скромного монастыря. Во главе же этой процессии с гордым видом шёл маленький толстый человечек. Вальяжно, по-хозяйски он подошёл к одному из монахов и попросил проводить его к игумену. Со смешанным чувством изумления и любопытства Василий наблюдал, как юноши один за другим исчезали в дверном проёме, а после того, как забавная процессия пропала из его поля зрения, с тихим смехом продолжил работать. Однако через некоторое время за ним прислали.

Старец с улыбкой встретил его и предложил пройти к нему в келью. Войдя, Василий с удивлением обнаружил в смежной комнате ту самую забавную процессию, которую увидел во дворе монастыря. Невольная улыбка коснулась губ молодого человека, что не осталось незамеченным со стороны старца. Ласково улыбнувшись, монах-настоятель сказал:

– Видишь этого человека, окружённого бравыми мужами? Это Феофилица, родственник царя Михаила. Сегодня утром ты просил меня отдать тебя в услужение достойному человеку – и вот Господь Сам послал нам такого.

От изумления Василий не знал, что сказать. Он не мог без улыбки смотреть на это зрелище и ещё меньше мог представить себя его участником. Словно прочитав мысли своего спутника, старец улыбнулся и тихонько добавил:

– Не всегда истина заметна с первого взгляда. И когда твои очи перестанут видеть лишь нелепую напыщенность, ты обнаружишь под внешней бравадой чистую душу и доброе сердце.

С этими словами он пригласил Василия пройти в комнату приёма. Феофилица с любопытством подошёл к Василию и, обходя его со всех сторон, стал тщательно разглядывать, словно товар, который собирался приобрести. Казалось, он был полностью доволен внешнестью потенциального работника.

– Откуда ты, и как тебя зовут? – поинтересовался Феофилица.

– Моё имя Василий. А родом я из Македонии, – ответил молодой человек, не решаясь сказать правду.

– Чем ты занимался в Македонии, Василий?

– Трудился на земле, – ответил Василий, чувствуя отвращение ко всему происходящему, однако понимая, что пути назад нет.

– Ты мне нравишься, Василий из Македонии. Пойдёшь ко мне в услужение?

С трудом сдерживая себя, Василий произнёс:

– Как прикажете.

Довольный удачным приобретением, Феофилица радостно обратился к игумену:

– Пусть завтра же переезжает ко мне во дворец!

Вскоре Василий покинул комнату. Вернувшись к прерванной работе, молодой человек всеми силами пытался побороть нарастающее чувство отвращения к самому себе. События последних месяцев разворачивались слишком быстро, и, отчаянно стремясь хоть к небольшому перерыву, юноша вновь и вновь воскрешал в памяти то утро на озере, когда, казалось, в самый ужасный день своей жизни неожиданным образом обрёл покой и радость. Почему-то ему захотелось узнать, где сейчас Тамара, что с ней стало. Захотелось просто увидеть её. Василий посмотрел на безоблачное небо. Он знал, что где-то под этим же самым небосводом была та, кто уже полностью владела его мыслями.

Неожиданная встреча

– Мухаммед, поторопись! Иначе мы опоздаем! – весело сказала Тамира своему вечно отвлекающемуся по сторонам спутнику.

С тех пор, как девушка прибыла в Константинополь, прошло около месяца. Она подружилась с Каллистой, однако, как только появлялась возможность, стремилась на корабль, служивший ей домом на протяжении многих дней. Всё больше и больше времени Тамира проводила на борту корабля – и всё сильнее влюблялась в море. Навклир, которого княжна уговорила обучить её управлять судном, поначалу недоверчиво отнёсся к желанию девушки, справедливо полагая, что не женских рук это дело, однако спустя пару недель был вынужден признать, что Тамира обладает определёнными способностями в мореплавании. Понемногу навклир начал позволять княжне управлять кораблём самостоятельно, не теряя, однако, при этом бдительного контроля за действиями своей ученицы и её юного помощника.

В тот день по пути в порт Тамира решила зайти на рынок, чтобы купить морякам еды, и Мухаммед, как истинный мужчина, вызвался помочь ей нести тяжёлую поклажу, однако то и дело отвлекался по сторонам, отчего постоянно получал выговор от девушки. Наконец, собрав необходимое количество еды, они прибыли на корабль. Навклир, который за долгое время путешествия успел привязаться к обоим, был очень рад встрече:

– Ну, что, дорогие помощники, готовы к походу?

– Всегда готовы! – громко и радостно прокричал Мухаммед, волоча на корабль тяжёлую сумку с провизией.

– Весь день вырабатывал командный голос! – смеясь, пояснила Тамира.

– Рад тебя видеть на корабле, дочка! Как тебе город?

– Удивительно красивый! Кажется, будто я попала в совершенно иной мир, – сказала девушка, однако в глазах её мелькнула грусть.

– Но тебя что-то тревожит, не так ли, Тамира?

– Вы правы, – ответила княжна, и взор её устремился далеко за горизонт. – Я всё время думаю о доме. Постоянно гадаю, что с ним стало. Живы ли те, кто мне так дорог? Так хочется вернуться! Но и Константинополь мне нравится. И эта двойственность разрывает меня изнутри, навклир Ингер! Если бы вы только знали, как я жалею иногда, что не могу находиться в двух местах одновременно! – вздохнув, призналась Тамира.

– Все мы здесь временно, – ответил бывалый моряк. – Ты знаешь, иногда, когда я долго нахожусь в плавании, начинаю люто ненавидеть воду и говорю, что брошу всё, как только нога моя коснётся суши. Однако стоит мне приплыть, сойти на берег – как вновь и вновь непреодолимо тянет в путь. И так бесконечно. Потом, со временем, я научился радоваться морю, когда я в море, и радоваться суше, когда я на суше. А не наоборот. Только тогда я понял, что значит наслаждаться жизнью. И ты со временем поймёшь.

Тамира благодарно улыбнулась.

– А сейчас, коли ты здесь, то будь любезна, поспеши на корабль и покажи морю, кто его хозяйка, – как всегда грубый юмор навклира смягчался необычно добрыми глазами, в которых то и дело плясали весёлые искорки.

Под строгим взглядом наставника Тамира подошла к боковому рулю корабля, возле которого уже нетерпеливо крутился Мухаммед, готовый выполнять любые команды.

– Ну что, помощник? – задорно поинтересовалась девушка. – В путь?

– В путь! – радостно ответил тот, и под шум волн и ветра торговое судно начало свой рейд вдаль к горизонтам.

Так, в непринуждённой обстановке и милых хлопотах, текло время, проходили дни. Тамира уже успела полюбить этот чудесный город, и в то солнечное утро, как обычно, вызвалась пойти на рынок за покупками. Дочь Каллисты, Анастасия, уговорила мать отпустить её вместе с княжной, и вскоре обе девушки с корзинами в руках вошли на рыночную площадь. Приветливые торговцы радостно демонстрировали свои товары, и юные покупательницы то и дело останавливались возле прилавков.

В это самое время на территорию рынка неспешным шагом вошла невысокая женщина, закутанная в лёгкий плащ тёмного цвета. Голова её была покрыта капюшоном. Она подходила то к одному прилавку, то к другому, делая вид, что рассматривает товар, однако во всём её облике ощущалась полная сосредоточенность на том, что происходило вокруг, и её внимательный цепкий взгляд не упускал ни одной детали. Вдруг её внимание привлекла группа высоких атлетов в красных плащах, сопровождающих маленького пузатого толстячка, гордо идущего во главе процессии. Торговцы радостно приветствовали Теофилицу, за доброту прощая ему кичливость. Женщина в плаще, казалось, отвлеклась от своих мыслей и, держа в руках яблоко, тепло улыбнулась увиденному.

В это время, отделившись от группы, высокий юноша твёрдым шагом направился к прилавку и попросил продать ему пару яблок. Выбрав лучшие, торговец с улыбкой подал их молодому красавцу. Женщина в плаще повернулась на звук голоса, однако едва её взгляд коснулся лица Василия, побледнела. Тем временем юноша, поблагодарив торговца, развернулся и таким же быстрым шагом поспешил назад, не замечая растерянного взгляда таинственной незнакомки. Дрожащей рукой положив яблоко обратно на прилавок, женщина рассеянно пошла в сторону выхода. Однако не успела она пройти и нескольких метров, как, почувствовав внезапную слабость и головокружение, рухнула навзничь.

– Вам лучше? – спросила её Тамира, когда та наконец открыла глаза. Ничего не отвечая, по-прежнему бледная, женщина молча посмотрела на девушку.

– Пойдёмте, вам нужно отдохнуть, – продолжила девушка.

С этими словами княжна помогла миловидной даме встать на ноги и подвела её к скамье.

– А сейчас ни о чём не думайте и просто расслабьтесь, – прозвучал её мягкий голос, и изумлённая женщина почувствовала, как девушка лёгким движением руки коснулась её головы и что-то прошептала.

– Всё хорошо, госпожа, – улыбнулась Тамира. – Сейчас вам станет лучше. А пока выпейте воды.

Женщина и в самом деле вскоре ощутила лёгкость и покой. А выпив воды, предложенной Тамирой, поняла, что окончательно пришла в себя.

– Как тебя зовут, милое дитя? – спросила она.

– Тамира.

– Скажи, Тамира: как тебе удалось помочь мне?

Девушка улыбнулась:

– У меня на родине говорят, что хорошему человеку может помочь каждый. Просто вы оказались хорошим человеком.

Женщина улыбнулась в ответ, прекрасно понимая, что вместо того, чтобы сказать правду, девушка нашла дипломатичный ответ.

– В таком случае мне было бы очень интересно узнать, что ещё говорят у тебя на родине. Ты мне расскажешь?

– Хорошо.

– Тогда завтра в это же самое время я буду ждать тебя у рыночных ворот, – сказала женщина, тепло улыбнувшись, и, попрощавшись, лёгкой походкой направилась к выходу.

– Красивая, – заметила Анастасия, глядя вслед незнакомке. – И глаза у неё добрые, только грустные какие-то.

– Это правда. Её явно что-то гложет, – вздохнула Тамира.

– И всё же, как тебе удалось помочь ей? – поинтересовалась девушка.

Княжна улыбнулась, но вместо ответа решила сменить тему:

– Ты мне лучше скажи: какие ткани тебе больше всего понравились? Мы и так задержались на рынке – боюсь, дома уже волнуются.

На следующий день Тамира, как и договаривались, подошла к воротам, ведущим на рыночную площадь, однако никого знакомого в оговорённом месте не оказалось. Чувствуя себя не в своей тарелке и ругая собственную доверчивость, девушка уже собиралась было уйти, когда красиво одетый мужчина окликнул её.

– Вы Тамира? – спросил он, подойдя поближе.

– Да, – окончательно растерявшись, ответила девушка.

– Меня прислали за вами.

– Кто прислал?

– Меня попросили ничего вам не говорить и просто доставить в назначенное место. А ещё просили передать, чтобы вы ничего не боялись.

Девушка не понимала, кому могла понадобиться такая осторожность, однако вчерашняя знакомая показалась ей довольно милой, и, немного подумав, Тамира решила довериться судьбе. Проводив княжну к ожидавшей их карете, мужчина галантно подал ей руку.

Однако когда карета тронулась с места, увозя путников в неизвестном направлении, Тамира почувствовала, что судьба вновь испытывает её на прочность. В один миг привычно тихая спокойная жизнь девушки была разрушена, но неожиданно для себя Тамира поняла, что с каждым разом доверять судьбе становилось всё легче и легче, и, несмотря на непростую ситуацию, на душе у неё было спокойно. Девушка твёрдо знала: что бы ни случилось, для чего-то это нужно, и чтобы обрести ключ, необходимо было довериться жизни и позволить судьбе самой всё устроить.

Всю дорогу на красивом лице Тамиры играла лёгкая улыбка, и она уже с радостным предвкушением ждала нового приключения. Однако когда карета остановилась у входа в императорский дворец, сердце девушки ёкнуло и забилось, словно птица в клетке. Такого поворота событий она даже представить не могла! Ступая внезапно сделавшимися ватными ногами по небывало роскошному полу, молча и послушно следуя за своим спутником, девушка восхищенно смотрела по сторонам, не в силах представить, что подобное чудо могло быть сделано руками человека. По её мнению, без помощи Высших сил здесь не обошлось. «Но какой же силой нужно обладать, чтобы воздвигнуть такое чудо на земле?!» – подумалось Тамире.

Вскоре они оказались возле красивой резной двери. Послышались лёгкие шаги, и миловидная девушка, поклонившись, пригласила их войти. Растерянно пройдя в великолепно и со вкусом убранную комнату, Тамира увидела вчерашнюю знакомую. Однако вместо скромного тёмного плаща на ней была дорогая, красивого покроя туника, украшенная жемчугами, а на голове красовалась изящная корона. Вся атмосфера комнаты, казалось, была пропитана безумной роскошью и властью.

– Здравствуй, Тамира, – приветливо улыбнулась незнакомка. – Ну что же ты стоишь? Не бойся, проходи. Как видишь, я ждала тебя, – жестом указав на сервированный стол, сказала женщина.

Тамира послушно подошла к столу и села. Тут же появилась миловидная девушка и стала разливать в ювелирно выточенную посуду ароматный напиток. Не зная, с кем имеет дело и чего ожидать, Тамира молча пыталась унять тревогу.

Заметив смущение девушки, незнакомка улыбнулась:

– Прости мне моё непочтение, дорогая Тамира! Я даже не представилась. Меня зовут Феодора. – При звуке этого имени девушка вздрогнула.

– Феодора? Вы хотите сказать, что вы...?

– Именно так. Я императрица сей славной страны и хозяйка этого дворца. А ты – моя гостья.

Увидев растерянность и шок в глазах Тамиры, Феодора невольно рассмеялась.

– Простите, госпожа... но... как же? Как такое возможно?

Феодора вздохнула:

– Ты хочешь сказать, как такое может быть, чтобы сама императрица в нищенской одежде без сопровождения гуляла по рынку? Возможно, это действительно кажется невероятным. Но как ещё я могу узнать, что на самом деле происходит в городе? Понять, в чём действительно нуждается мой народ? Власть наделяет человека силой, но и окружает бесконечной ложью.

– Понимаю, – ответила девушка, однако было очевидно, что в её душе царил хаос. – Но скажите: зачем вы попросили меня приехать?

Вместо ответа Феодора улыбнулась и задала встречный вопрос:

– Почему ты решила мне помочь?

– Простите, госпожа. Я могла бы, конечно, сказать, что для меня было огромной честью оказать вам помощь, но... Но это не совсем так. Я не знала, кто вы, и независимо от того, кто мог оказаться на вашем месте, я бы всё равно помогла, – произнесла Тамира, честно и открыто глядя в глаза императрице.

– Вот именно поэтому я и попросила тебя приехать. В моём окружении предостаточно людей, которые будут из кожи вон лезть, чтобы угодить императрице, однако практически нет таких, кто окажет помощь Феодоре, – грустно улыбнулась женщина. – Ты – одна из немногих.

– Спасибо, государыня! Я рада, что смогла быть вам полезной, – улыбнулась в ответ Тамира.

– Тамира... – начала Феодора, немного замаявшись. – Пожалуйста, выслушай меня и пообещай хотя бы подумать над тем, что я тебе скажу.

– Хорошо, – ответила девушка и приготовилась внимательно слушать.

– Я хочу, чтобы ты переехала жить во дворец и стала одной из моих придворных. Понимаю, что со стороны такой поступок может показаться необдуманным, поскольку мне о тебе ничего не известно. Но сердце подсказывает, что тебе можно доверять, а мне сейчас это очень нужно.

– Я... – начала было Тамира, но Феодора опередила её.

– Не говори ничего. Просто подумай над моим предложением. Для размышлений у тебя есть три дня. Послезавтра у рыночных ворот тебя будет ждать карета. Если согласишься – знай, что это будет большой честью для меня. Если же нет – я с уважением отнесусь к твоему выбору. А пока просто позволь поблагодарить тебя за оказанную мне помощь. – С этими словами Феодора достала из шкатулки брошь в виде алой розы. – Вот, прими её. И пусть эта брошь будет напоминать тебе о том, что для Бога нет маленьких или больших добродетелей, и каждое благое деяние будет вознаграждено.

– Огромное спасибо за чудесный подарок, госпожа! – растрогавшись, сказала Тамира. – Обещаю подумать над вашими словами.

Вернувшись из дворца и войдя к себе в комнату, Тамира устало присела на кровать. Пытаясь обрести покой, девушка привычным жестом провела рукой по волосам и задумалась: «Как же быть? Как принять верное решение? Как жаль, что рядом нет Ореста и не у кого

больше спросить совета! А жизнь тем временем преподносит всё более сложные и неразрешимые задачи».

Стремясь отыскать нужный ответ в своей душе, Тамира прикрыла глаза, и в её воспоминаниях вновь возникли чудесные картины прошлого. Молодая княжна увидела зелёную лужайку своей родины и Ореста, плетущего корзины из прутьев возле своей хижины. Девушке даже показалось, что она вновь слышит рассказ своего учителя, после того, как они прочитали очередную главу из книги Платона:

– Философ утверждает, что Афродиты две, и Эрота, соответственно, тоже два. В этом, в общем-то, и заключён основной момент всей истории.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовалась Тамира.

– А вот послушай, что он пишет:

«По-моему, Федр, мы неудачно определили свою задачу, взявшись восхвалять Эрота вообще. Это было бы правильно, будь на свете один Эрот, но ведь Эротов больше, а поскольку их больше, правильнее будет сначала условиться, какого именно Эрота хвалить. Так вот, я попытаюсь поправить дело, сказав сперва, какого Эрота надо хвалить, а потом уже воздам ему достойную этого бога хвалу. Все мы знаем, что нет Афродиты без Эрота; следовательно, будь на свете одна Афродита, Эрот был бы тоже один; но коль скоро Афродиты две, то и Эротов должно быть два. А этих богинь, конечно же, две: старшая, что без матери, дочь Урана, которую мы и называем поэтому небесной, и младшая, дочь Дионы и Зевса, которую мы именеем пошлой... Но из этого следует, что и Эротов, сопутствующих обеим Афродитам, надо именовать соответственно небесным и пошлым. Хвалить следует, конечно, всех богов, но я попытаюсь определить свойства, доставшиеся в удел каждому из этих двоих. О любом деле можно сказать, что само по себе оно не бывает ни прекрасным, ни безобразным. Например, всё, что мы делаем сейчас – пьём ли, поём ли или беседуем, – прекрасно не само по себе, а смотря по тому, как это делается, как происходит: если дело делается прекрасно и правильно, оно становится прекрасным, а если неправильно, то, наоборот, безобразным. То же самое и с любовью: не всякий Эрот прекрасен и достоин похвал, а лишь тот, который побуждает прекрасно любить».

Закончив читать, Орест какое-то время сидел молча, глядя, какой прутик лучше вплести следующим, и вслушиваясь в звуки леса, а потом продолжил свои рассуждения, и его удивительный голос настолько гармонично сливался с окружающей природой, что казался её частью:

– Корни этого утверждения ведут к Первоисточнику, Началу всех Начал. К тому времени, когда природа человека была Божественной, когда люди купались в Любви, делили её между собой и образовывали единое существо, неразрывно связанное с Творцом, беззаветно Его Любящее и наследовавшее Его Силу и Любовь. Да, Тамира. Человек – наследник Божественной Любви! И именно из-за этой силы, этой Любви и была затеяна ловушка, созданная с единственной целью – владеть и править. С того момента в бочку мёда была добавлена ложка дёгтя. В чистейшие зёрна были высыпаны плева, и началось смешение. Современные люди смешаны и находятся под воздействием злых чар.

– А это имеет какое-то отношение к легенде о двух половинках?

– Самое что ни на есть непосредственное. Более того, это имеет отношение не только к половинкам, но и к отношениям между людьми в целом. Однако не торопи события. Ты всё поймёшь в своё время. Теперь же тебе важно осознать задачи, поставленные на данном этапе. Как озвучивалось ранее, Афродит две и Эротов тоже два. Соответственно, любой твой поступок может служить как Эроту небесному, так и Эроту пошлому. В прошлый раз ты училась выбирать прекрасное, теперь же твоя задача – научиться прекрасное творить. Силой своей души превращать обыденное в прекрасное.

Очнувшись от воспоминаний, Тамира резко встала и почувствовала, как последние слова учителя музыкой истины зазвучали в её сердце.

– Ну конечно же! Силой души превращать обыденное в прекрасное! – с горящими глазами произнесла девушка и, достав брошь, подаренную Феодорой, замороженно посмотрела на неё. – Не важно, какое решение я приму. Дорог много. Но Путь всегда один! И только от нас зависит, как мы его пройдем.

В этот момент решение было принято.

Императрица Феодора отдыхала у себя в комнате после приёма чинов, когда ей доложили о приезде Тамиры.

– Я рада, что ты согласилась на моё предложение, дорогая, – сказала Феодора, приветствуя девушку. – Сейчас тебе нужно переодеться, а после я расскажу, что будет входить в твои обязанности. Зоя! – позвала она главную придворную даму.

– Я здесь, святейшая августа, – сказала миловидная женщина средних лет, словно из ниоткуда возникнув перед императрицей.

– Познакомься, это Тамира. Отныне она будет кувикуларией⁴ Софии, а в праздники – сопровождать меня вместе с другими девушками. Немедленно прикажи предоставить ей соответствующие одежды, а после того, как будет готова, жду вас у себя.

– Слушаюсь, – поклонившись, ответила Зоя.

Тамиру привели в роскошную комнату, где уже был готов её наряд: золотая туника, выполненная из тончайшей ткани, и белый плащ. Девушка-служанка помогла ей переодеться и сделала из её прекрасных чёрных волос сложную причёску в виде башни. Последним штрихом, необходимым по протоколу, была прополома⁵ с длинной белой вуалью.

Глядя на себя в зеркало, Тамира не могла поверить, что отражение в нём принадлежит ей. А вместе с чужим отражением возникло неприятное ощущение чужой жизни. Внутри у девушки всё сжалось: она уже почти жалела, что приняла такое решение. «Лучше было спокойно дожидаться Ахмеда и уехать на родину», – подумалось ей.

От недавней решимости не осталось и следа, и ноги предательски подкашивались, пока по длинным коридорам княжна робко следовала навстречу своей судьбе. Двери императорской спальни отворились, и Тамира увидела Феодору, с царственным видом сидевшую на троне. Возле неё было много женщин, а в центре комнаты с гордым видом стоял уже знакомый девушке мужчина. Княжна растерялась, но императрица, заметив её состояние, ласково улыбнулась:

– Уважаемый препозит⁶, эту девушку зовут Тамира, и я пожаловала её одной из своих дочерей – Софии.

Княжна поклонилась и застыла, опустив голову и не смея поднять глаза. Подойдя к девушке, препозит взял её за подбородок и, строго глядя в глаза, сказал:

– Удостоившись такой чести, тебе необходимо прежде всего иметь в своём сердце страх Господень и хранить верность и полнейшую преданность василевсу⁷ и августу⁸. Тебе понятно? – препозит улыбнулся, однако его глаза при этом цепко и жёстко требовали подчи-

⁴ Кувикуларий/кувикулария – придворные служащие, ночевавшие рядом с императорской спальней.

⁵ Прополома – византийский головной убор со спускающейся вуалью для торжественных выходов знатных женщин.

⁶ Препозит – распорядитель придворного церемониала (часто евнух).

⁷ Василевс – император.

⁸ Августа – императрица.

нения. Тамира почувствовала, как в горле пересохло, и, не имея возможности ответить, просто кивнула.

– Что ж, будем надеяться на твоё благоразумие. А сейчас добро пожаловать во дворец и самую прекрасную его часть – гинекей⁹! – с гордостью закончил свою речь препозит.

– Со временем ты поймёшь, как себя вести и что от тебя требуется. А пока просто побудь нашей гостьей, – улыбнулась Феодора. – Зоя, прикажи подавать на стол – время обеда, – распорядилась императрица и, когда женщина с поклоном вышла из приёмной, подозвала свою дочь. – София!

– Да, матушка, – ответила красивая молодая девушка.

– Это Тамира, твоя помощница.

– Хорошо, матушка, – последовал такой же скромный ответ.

После обеда, который проходил в огромной столовой, все девушки удалились в свои комнаты, чтобы заняться рукоделием. Тамира вместе со всеми проследовала за своей немногословной госпожой в отведённые покои. Служанка к тому времени уже приготовила необходимые для вышивания приборы, и девушки принялись за работу.

– Тамира, скажи мне: ты откуда? – тихим нежным голосом поинтересовалась царевна.

Этих расспросов девушка боялась больше всего. Лгать ей не хотелось, но и всю правду сказать она не могла.

– Я выросла на землях Великой Скифии, ныне именуемых Артанией, госпожа, – ответила Тамира.

– А как ты попала во дворец?

– Провидению было угодно, чтобы я оказала помощь госпоже императрице, когда той стало плохо от жары. В благодарность она пригласила меня сюда.

– Понятно. Ну что же, рада тебе, Тамира!

– Спасибо, госпожа. Для меня это большая честь.

К своему удивлению, Тамира почувствовала, что эта скромная, тихая девушка ей очень нравится. Украдкой наблюдая за старательными движениями царевны, казалось, полностью погружённой в рукоделие, княжна невольно улыбнулась. София, заметив её настроение, поинтересовалась:

– Что-то случилось?

Тамира, посмотрев в глаза царевне, задумалась. С одной стороны, ей отчаянно хотелось найти общий язык с этой милой девушкой, но с другой, она боялась испугать её своей излишней открытостью. Тем не менее княжна понимала, что общаться им придётся в любом случае, а потому решила последовать зову сердца:

– Госпожа, могу я быть с вами откровенной? – с улыбкой поинтересовалась Тамира.

– Конечно, – последовал ответ.

– Дело в том, госпожа, что со мной столько всего произошло за последнее время, что в какой-то момент я позволила себе усомниться в своей вере, посчитав, что Бог отвернулся от меня. Однако после общения с вами я осознала свою ошибку. Судьба оказалась благосклонна ко мне. И от этого понимания в сердце поселилась радость, – мягко произнесла Тамира.

София, поначалу потрясённая такой откровенностью, столь несвойственной в её среде, сначала робко, но потом смелее улыбнулась в ответ.

– Я... мне кажется, я тоже рада нашему знакомству, – ответила царевна, и в её недоверчиво-пугливом взгляде отразились искорки надежды.

⁹ Гинекей – женская половина дворца.

На следующий день Тамира приступила к своим обязанностям. Девушки, обслуживающие царевну, были заняты в купальне, смежной с основными покоем, а Тамира готовила ароматный лосьон из дорогих благовоний. София, позвав княжну, попросила принести ей ещё один кусочек ароматного камня.

– А где он, госпожа? – поинтересовалась Тамира.

– В моём сундуке, справа.

Девушка тут же поспешила выполнить поручение, но, когда искала камень, среди прочих вещей обнаружила книгу – очевидно, тщательно спрятанную от посторонних глаз. Внимательно присмотревшись, княжна разглядела потускневшее от времени название. Каково же было её удивление, когда Тамира поняла, что тайной книгой Софии был Платон и его бессмертное произведение «Пир»! Непонятное волнение охватило девушку.

– Тамира, где же ты?

– Иду.

Поспешив в купальню, Тамира передала царевне мыло, однако скрыть переполняющие её эмоции было невозможно. Руки девушки слегка дрожали, что не укрылось от внимания Софии.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Да нет... ничего, – ответила Тамира, однако голос её говорил об обратном.

Посмотрев на служанок, София сказала:

– Девушки, спасибо! Можете идти.

Поклонившись, прислужницы одна за другой покинули комнату.

– Ну, теперь ты можешь сказать, что случилось?

– Простите, госпожа, я случайно наткнулась на книгу Платона в вашем сундуке, когда искала камень.

– Ах, это... – со вздохом произнесла София.

– Вы прячете книгу? Но почему?

– Потому что нам запрещено увлекаться чтением подобных книг. Это считается ересью. В своё время последователи Платона и сторонники мистического изучения жизни были признаны нашей церковью опасными. Поэтому наш патриарх Игнатий выступает против подобных увлечений.

– Простите мою дерзость, госпожа! Но всё же, почему вы решились на чтение запрещённых книг?

– Да я вовсе не из-за мистики стала читать. Просто очень нравится легенда о двух половинках. Иногда, когда все спят, я тайно читаю её вновь и вновь. И мечтаю, – улыбнувшись, София сладко добавила: – Наверное, в этом что-то есть. Как ты думаешь, Тамира?

– Вы действительно хотите знать? – с волнением в голосе произнесла княжна, удивлённая таким поворотом судьбы.

– Конечно.

– Дело всё в том, что там, откуда я родом, подобное чтение тоже рассматривается как ересь, хотя и называется другим словом. И я, так же как и вы, вынуждена была скрывать своё увлечение от посторонних, – улынулась Тамира.

Удивлённая подобным признанием, София робко подняла глаза. Неужели судьба наконец подарила ей возможность встретить единомышленника здесь, в этой прекрасной тюрьме? В месте, где человек сам себе не принадлежал?! Однако, встретив прямой и честный взгляд Тамиры и прочитав в её глазах такое же волнение и понимание, царевна счастливо рассмеялась. Отныне она была не одна на этом сложном жизненном пути. У неё появился друг, способный понять и разделить всё то, во что она верила.

Василий и Михаил

– Сегодня мы должны быть особенно красивыми, – хлопая в ладоши, словно забавляющийся маленький ребёнок, сказал Феофилица, обращаясь к своему отряду добрых молодцев. – Подумать только: сам патрикий Антигон, двоюродный брат нашего благословенного императора Михаила, пригласил нас на обед в честь своего отца, влиятельнейшего Варды! Эй, слуги! И где Василий?

– Как где? В конюшне, конечно.

– Идите и сообщите ему, чтобы собирался. Сегодня он тоже будет меня сопровождать.

В тот день во дворце Антигона собралась вся элита, в числе которой волею судьбы оказались и болгарские посланники, прибывшие в Константинополь по важному поручению. После десерта по византийскому обычаю на арену были приглашены борцы – для развлечения гостей состязаниями.

С презрением глядя на сражающихся силачей, один из болгарских послов, изрядно разогретый добрым вином и яствами, попросил дать ему слово. Поднявшись с кубком очередной порции вина и сильно заплетаясь языком, он с вызовом произнёс:

– Да разве это атлеты?! Им разве что ленточки на своих плащах завязывать можно! Другой дело – наш борец, Асен. Вот это сила и зрелище! Лучшие из лучших атлетов уходили посрамлёнными после состязаний с ним! И уверяю: кто хотя бы раз увидел Асена в деле, уверовал бы во всех богов, ибо не может простой человек обладать подобной силой!

Один из сенаторов, слушая эти оскорбительные речи, разгневанно произнёс:

– Чего зря словами бросаешься?! Разве мы на рынке? Али твои слова ничего не стоят? А коли стоят – докажи!

– Извольте, – высокомерно продолжил болгарин. – Прикажите немедленно доставить сюда Асена – и клянусь: вы осознаете силу его мышц и моих слов!

Тут же распорядились доставить во дворец знаменитого атлета, и уже через некоторое время на арену вышел огромного роста и могучего телосложения болгарин, внушающий ужас и трепет одним своим видом. А спустя пару мгновений византийцы наблюдали унижительную для себя картину: как этот громила с лёгкостью справлялся с лучшими атлетами Константинополя.

Раздосадованные и крайне уязвлённые, византийцы хранили гордое молчание. Неожиданно слова попросил Феофилица. Добродушно улыбаясь, разнеженный вином, со свойственной ему кичливостью он высокомерно произнёс:

– Да что ваш Асен! Нашёл с кем тягаться! С детьми малыми, коих легко победить даже куда менее сильным соперникам! Пусть он лучше сразится с равным себе – и тогда мы признаем его победителем!

Болгарин, который так хвалил Асена, унизился подобным заявлением и, ударив кулаком по столу, приказным тоном потребовал объяснений:

– Если есть кто у тебя на примете, равный ему, то изволь доказать!

Феофилица с улыбкой приказал привести Василия. Войдя в зал, юноша попросил усыпать пол песком, чтобы не скользил, и дать ему немного времени сосредоточиться. Сняв с себя верхнюю одежду и обнажив мощный торс, молодой человек приготовился к сражению. Болгарин, будучи внушительнее своего противника, хотел было одной рукой приподнять Василия, но ловкий юноша, уклонившись от удара, схватил болгарина, сделал быстрый оборот вокруг себя и сильным рывком бросил на землю, лишив чувств и заставив неподвижно лежать на месте. Вокруг повисла напряжённая тишина, неожиданно сменившаяся громкими овациями. Византийцы ликовали и тут же потребовали победителя к себе.

– Кто ты, славный воин? – спросил сенатор.

– Моё имя Василий.

– Добрую службу сослужил ты нынче, славный Василий! – сказал хозяин пира, Антигон. – Не окажешь ли честь отобедать вместе с нами?

– Как прикажете, – поклонившись, ответил молодой человек.

– Тогда я немедленно распоряжусь обслужить тебя по всем правилам. Будешь среди нас почётным гостем.

Василий пошёл за одеждой, оставленной перед боем, но внезапно ему преградил путь статный мужчина с пронизательными серыми глазами.

– Ты говоришь, тебя зовут Василий? – спросил незнакомец.

– Да.

Фотий, начальник императорской канцелярии, окинул молодого человека внимательным взглядом. Подняв глаза и посмотрев юноше в лицо, он поинтересовался:

– Давно ли ты в Константинополе и чем занимаешься?

– Всего несколько месяцев, достопочтенный господин. Работаю конюхом у славного Феофилицы.

– Понятно. Ну, бывай, Василий, – сказал Фотий.

Вскоре молва об атлете-македонце, победившем знаменитого Асена, разнеслась по всему Константинополю. А спустя некоторое время Феофилица получил задание отправиться в Грецию, и Василий, как обычно, должен был его сопровождать.

Примерно в это же время одна знатная дама по имени Даниелида возлежала по греческому обычаю у себя во дворце, со скучающим видом перелистывая страницы книги. Её тёмно-русые волосы, уже тронутые сединой, были уложены в красивую причёску, а на голове сияла изящная диадема. Шёлковая туника облегла по-прежнему стройное тело, и весь её облик был наполнен поистине царским достоинством. Неожиданно в дверь постучали, и, с поклоном войдя в комнату, слуга обратился к женщине:

– О, несравненная госпожа, прошу прощения за то, что нарушаю ваш покой, однако гонец, прибывший из царственного града, говорит, что дело крайне важное и срочное.

– Проси, – не поднимая глаз, с усталым вздохом ответила Даниелида.

Почтительно поклонившись, слуга вышел, а вскоре в залу пожаловал гонец, который, склонившись в поклоне, обратился к женщине:

– Величественная Даниелида, я прибыл сюда по важному поручению. Мне приказано доставить вот это письмо непосредственно в ваши драгоценные руки. – С этими словами гонец достал пергаментный свиток.

– Хорошо, спасибо, – устало сказала Даниелида, принимая послание. – А сейчас тебе нужно отдохнуть. Путь сюда был нелёгкий, – добавила женщина и, тут же позвав слугу, распорядилась обслужить гонца со всеми почестями.

Оставшись одна, Даниелида со скучающим видом развернула послание и принялась внимательно читать. Однако по мере того, как смысл написанного проникал в её сознание, волнение женщины усиливалось, пока наконец Даниелида не ощутила, как её руки дрожат, а неожиданно подступившие слёзы обжигают глаза. Смеясь и плача, женщина вновь и вновь перечитывала послание, словно пытаясь убедиться, что всё написанное в нём – правда, а слёзы счастья при этом не переставая катились по её щекам. Осознав, наконец, всю истинность и реальность драгоценных строк, Даниелида подбежала к двери и, распахнув её, радостно приказала слуге:

– Немедленно пригласите ко мне лекаря! Слышите? Немедленно! – повторила она, после чего закрыла дверь и, счастливая, подошла к окну, вглядываясь в небеса и благодаря Бога за услышанные молитвы.

К тому времени, когда лекарь пожаловал во дворец, Даниелида уже окончательно сумела совладать со своими эмоциями и, как всегда, выглядела сдержанной и царственно спокойной.

– Мне необходимо средство, вызывающее временное недомогание у человека, однако не угрожающее его здоровью, – мягко, но требовательно сказала она.

– Благословенная госпожа, я, право, не знаю, что сказать... – замялся лекарь.

Даниелида улыбнулась. Подойдя к своей шкатулке и достав из неё драгоценный мешочек, наполненный монетами, она внимательно посмотрела в лицо лекарю. С неизменной улыбкой женщина поинтересовалась:

– Я надеюсь, что данный подарок поможет вам собраться с мыслями?

Улыбнувшись в ответ, лекарь промолвил:

– Госпожа умеет убеждать. Когда такое средство должно быть готово?

– В самое ближайшее время.

Лекарь улыбнулся и поспешил откланяться.

Тем временем, добравшись до славного города Патрас, Феофилица и его сопровождающие остановились в одном небольшом дворце. Владелец дома оказался весьма приветливым и радушным хозяином, а потому сразу же пригласил столь именитых гостей разделить с ним трапезу. Все, кроме Василия, радостно согласились, а молодой человек, сославшись на неотложную работу, поспешил кормить красивого, но дикого вороного коня, выбранного в подарок императору. Уже смеркалось, когда Василий освободился и вернулся во дворец. Владелец дома, как ни странно, ждал его:

– У нас в Греции хозяин считается гостеприимным только тогда, когда все гости до последнего обслужены как подобает, – с улыбкой поведал тот. – А потому, дорогой Василий, прошу к столу.

Молодой человек улыбнулся и, поблагодарив за радушие, принялся за еду.

– А вот это – наша особая гордость! Не откажите в чести попробовать! Из лучших виноградников, – наливая вино в красивый кубок, продолжил грек.

Не желая показаться невежливым, Василий согласился. Вино действительно оказалось превосходным. Насладившись отменным ужином, молодой человек вежливо поблагодарил гостеприимного хозяина и удалился к себе в покои. Утомлённый дневными хлопотами, Василий был рад предоставленной возможности отдохнуть и, едва его голова коснулась мягкой подушки, погрузился в сон. Однако среди ночи ему неожиданно стало плохо: поднялся жар, не прекращавшийся всю ночь и многократно усилившийся под утро.

Феофилица, узнав о случившемся, тут же поспешил навестить Василия. Но, едва взглянув в бледное лицо своего конюха, понял, что в таком состоянии его любимый слуга не сможет продолжить путь. Феофилице ничего не оставалось, кроме как оставить юношу на попечение хозяина-грека до полного выздоровления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.